

АНА РЕЙЕС

18+

ДОМ
В
СОСНАХ

АРХЕТИПЫ ЗЛА

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

Ана Рейес

Дом в соснах

Серия «Архетипы зла»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70035058

А. Рейес. Дом в соснах: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2024

ISBN 978-5-17-159991-1

Аннотация

Дом в соснах спрятан глубоко в лесу. Снаружи может показаться, что он разрушается и зарастает сорняками, но внутри в нем тепло и уютно.

Когда-то Майя считала этот дом идеальным местом, но теперь она знает, какая опасность может скрываться там. Тем летом умерла ее лучшая подруга Обри – упав замертво на глазах у загадочного мужчины по имени Фрэнк.

Спустя семь лет Майя все еще не может прийти в себя, пробелы в ее воспоминаниях о том лете не дают ей спокойно жить. Прошлое стремительно возвращается, когда Майя случайно наткнется на видео в Интернете, где молодая девушка внезапно умирает в закуской, сидя напротив... Фрэнка.

В конце концов она решает поехать в родной Питтсфилд, чтобы освободиться от преследующих ее демонов прошлого. Майя готова встретиться лицом к лицу с человеком, который

ждет ее в Доме в соснах, – человеком, которого она так старалась забыть...

Какую же тайну Фрэнка скрывает Дом в соснах?

Содержание

Один	7
Два	25
Три	34
Четыре	41
Пять	55
Шесть	61
Семь	72
Восемь	81
Девять	88
Десять	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Ана Рейес

Дом в соснах

Ana Reyes

The House in the Pines

© 2023 by Ana Reyes

© Клемешов А., перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

*Посвящается Бонку, маме, папе, Баббе, Брайану
и Хильде*

Глубоко в этих лесах есть дом, который легко не заметить. На самом деле большинству людей хватило бы одного взгляда в его сторону, чтобы заявить, что там ничего нет. И они были бы не так уж неправы. На его месте остались лишь руины, осыпающийся фундамент, заросший сорняками. Дом заброшен давным-давно. Но стоит присмотреться внимательно к земле вокруг, к бетону, покрытому шрамами от солнца и льда, – и вот уже видно, где располагался камин. Если вглядываться достаточно долго, вспыхнет искра. А если раздуть ее, она превратится в пламя, в теплый свет в этом

холодном темном лесу. Если подойти ближе, спасаясь от холода, можно обнаружить, что огонь разгорается все сильнее, ощутить, как дым щиплет глаза, окутывает запахом горячей сосны, который превращается в сладковатый аромат духов, а затем смягчается до запаха пальто твоей матери. Она что-то шепчет в соседней комнате. Обернись, и вот уже появляются стены, робко, как олени, выходящие из-за деревьев. Застывший бетон становится ковриком. Сними свою обувь, удержишься ненадолго. Снаружи усиливается ветер, и начинают доноситься быстрые щелчки и дребезжание – должно быть, это стекло в оконных рамах. С неба сыплется легкий снежок, укрывая этот уютный дом, укладывая его на ночь. «Доброй ночи, милый домик. Спи, мышонок, спи, зайчонок!» Помнишь? В кои-то веки нет причин встать, не за кем гнаться или от кого-то убежать. Из кухни доносится запах дома, звуки готовящегося сое. Это мир – такой, каким он был когда-то, до первой боли, первых ожогов, первых потерь. Вот почему ты это делаешь.

«Кто-то шепчет баю-бай. Поскорее засыпай!»

Хорошенько выспись, потому что когда ты проснешься, этого дома уже не будет.

Один

Майя еще не знала об этом, но видео уже начало распространяться в социальных сетях. Зернистый шестиминутный фрагмент видеозаписи с камер наблюдения, который был достаточно странным и тревожным, чтобы набрать несколько тысяч просмотров в день выхода в эфир, но недостаточно зловещим, чтобы стать вирусным, и недостаточно жутким, чтобы вдохновить на повторные просмотры. Во всяком случае, для большинства людей. Однако для Майи его существование перевернуло бы с ног на голову все, что она строила для себя последние несколько лет, эту порой легкомысленную, но в целом солидную жизнь вместе с Дэном, который тихо похрапывал рядом с ней в постели.

Она еще не смотрела видео, потому что избавилась от всех экранов, не желая, чтобы их синий свет мешал ей спать. Чего только она ни перепробовала, чтобы уснуть: мелатонин, обратный отсчет от ста до одного, а затем всё сначала: приняла ванну и выпила немного сиропа от кашля, но ничего из этого не помогло. Шла третья подряд бессонная ночь. Она переехала к Дэну в начале этого месяца, но уже могла бы легко нарисовать по памяти форму каждого пятна от протечек на потолке, разветвляющиеся линии каждой трещины.

Повернувшись на бок, Майя напомнила себе, что нужно раздвинуть шторы. Включился обогреватель в изножье кро-

вати – белый шум, который ей обычно нравился, но сейчас дребезжание металлической решетки раздражало ее. Откинув одеяло, она встала и натянула фланелевую рубашку поверх нижнего белья. В квартире было холодно, центральное отопление не слишком спасало, хотя ее кожа была влажной от пота.

Деревянный пол приятно охлаждал ноги, когда она шла по темному коридору, минуя вторую спальню, сейчас пустую, если не считать велотренажера, который они с Дэном купили на *Craigslist*¹. Она никогда особо не украшала комнаты, которые делила с разными соседями еще со времен колледжа, – ни постеров, ни фотографий в рамках, ни даже диванных подушек, но в последнее время, заканчивая работу в *Kelly's Garden Center*, стала наведываться в *T. J. Maxx*². Просто пересекала парковку и направлялась прямо в отдел домашнего декора. Приобрела там журнальный столик, коврики и другие вещи, которые на самом деле не могла себе позволить.

Майя строила планы на это место. Она была полна решимости сделать все, чтобы почувствовать себя здесь как дома.

Время близилось к утру, серый зимний свет выхватывал в гостиной недавние покупки: кофейный столик взамен того, который забрал сосед Дэна по комнате, когда уходил. Но-

---

¹ Сайт электронных объявлений, пользующийся большой популярностью у американских пользователей Интернета.

² Американская сеть универсальных магазинов.

вые полки для многочисленных книг, привезенных ею, вдобавок к библиотеке Дэна. Новый диван, обтянутый темно-зеленым бархатом, и висевший над ним единственный предмет декора, который она привезла с собой из родного дома, единственное произведение прикладного искусства, которым она занималась последние семь лет.

Плетение майя размером примерно с банное полотенце. Красные, желтые, зеленые и синие ряды символов переплетались в гобелене и напоминали цветы и змей. Для Майи он был больше, чем просто украшение интерьера. Она не знала точного значения символов, но слышала, что где-то в горах Гватемалы живут люди, которые могут их прочесть. В темноте по пути на кухню она прошла мимо гобелена. В раковине с вечера стояли грязные тарелки, измазанные соусом болоньезе. Ей нравилось готовить с Дэном на их новой кухне, от еды исходил аромат чеснока и свежих помидоров, но на вкус она была не очень. Или, возможно, Майя просто была не голодна.

Или, возможно, ее желудок был сжат, как кулак. Дэн спросил, не случилось ли чего, она ответила, что с ней все в порядке, но это было не так. Открыв шкафчик, она отодвинула в сторону несколько кофейных кружек, стаканов и бокалов для вина, пока не нашла то, что искала. Рюмку в одну унцию. «То что нужно», – сказала она себе, и полоска с их фото, прикрепленная к дверце морозилки, напомнила ей почему.

Фотографии были сделаны на прошлый Хэллоуин в фото-

будке в баре, где они провели ночь, танцуя с друзьями. Майя выступала в роли Сказочной ведьмы, персонажа, которого она придумала, пока в последнюю минуту искала костюм в *Goodwill*³. На ней были пара блестящих крыльев, остроко-
нечная черная шляпа и синее платье с блестками на ворот-
нике. Каким-то непостижимым образом это одеяние принес-
ло ей второе место в конкурсе костюмов.

Дэн изображал Макса из «Там, где водятся чудовища». Было трудно найти серую пижаму, достаточно большую, что-
бы она села на его крепкой фигуре, не говоря уже о том, что-
бы она не выходила за рамки этических норм, но Дэн начал
искать ее заблаговременно. Затем пришел сзади на штаны
пушистый хвост и сделал себе корону из ненужных золотых
пластиковых карт.

Эти двое во многом отличались друг на друга; она была
миниатюрной и на удивление подтянутой для человека, ко-
торый никогда не занимался спортом, в то время как он был
большим и выглядел так, словно любил поесть, что соответ-
ствовало действительности. Он был голубоглазым и светло-
волосым, с короткой каштановой бородкой, носил очки, то-
гда как у нее была оливковая кожа и неоднозначная этни-
ческая принадлежность. Люди принимали ее за мексикан-
ку, армянку, турчанку и даже индианку. На самом деле она
была наполовину гватемалкой, на четверть ирландкой и на
четверть итальянкой. Густые черные волосы и высокие ску-

---

³ Американский секонд-хенд.

лы майя сочетались на ее лице с круглым подбородком и вздернутым носом ирландки. Возможно, они с Дэном выглядели противоположностями, но, присмотревшись повнимательнее, можно было заметить нечто особенное в каждой их позе, когда они находились рядом. Он словно все время слегка наклонялся в ее сторону, а она тянулась вверх, будто двигалась ему навстречу. Они выглядели счастливыми. И она казалась опьяненной – не совсем без памяти, но близкой к этому.

Она достала из морозилки бутылку джина. Белый пар за клубился из горлышка, когда она отвинтила крышку и, наполнив крошечный стаканчик до краев, подняла его, прошептала: «За здоровье!» – обращаясь к фото с их смешными изображениями, и дала себе слово, что завтра утром расскажет Дэну о причине, по которой она сама не своя последние несколько дней. Причину, по которой она не могла ни спать, ни есть. Она признается ему, что у нее ломка от транквилизаторов. Проблема заключалась в том, что Дэн не знал о пагубной привычке Майи. Когда они познакомились, она уже глотала их каждую ночь перед сном. Ничего особенного – когда-то давно у нее даже был рецепт. И было совершенно ни к чему откровенничать об этом с парнями, с которыми она встречалась.

Все ее отношения до Дэна длились не больше месяца. Но неожиданно тот же месяц с Дэном растянулся на три, и не успела она опомниться, как прошло два с половиной года.

Как объяснить, почему она так долго это скрывала? Или почему она вообще их употребляла?

И что бы подумал Дэн, если бы узнал, что таблетки куплены не в аптеке, а у ее подруги Венди?

Майя всячески оправдывала свою зависимость, говоря себе, что это не ложь, а просто недоговорки; что она хранит таблетки в своей сумочке в пузырьке от аспирина для удобства, а не для того, чтобы спрятать их. Все это время она планировала бросить, и уж тогда, уверяла она себя, как только ее привычка благополучно останется в прошлом, она расскажет Дэну.

Но теперь у нее закончились маленькие желтые таблетки, а Венди, подруга по колледжу, не отвечала на звонки. Майя пыталась связаться с ней дюжину раз: писала смс, отправляла письма по электронной почте и наконец позвонила. Девушки оставались близки в течение нескольких лет после окончания колледжа, в основном потому, что обе жили недалеко от Бостонского университета и обе любили веселиться. Они редко виделись днем, но выпивали вместе несколько вечеров в неделю. Однако когда Майя бросила пить, они стали встречаться все реже и реже. Оглядываясь назад, она признавала, что их ежемесячные поздние завтраки буквально превратились в деловые. Еще бы – пятьдесят долларов за девятью миллиграммов таблеток!

Может быть, именно поэтому Венди не отвечала на ее звонки?

По мере того, как ломка усиливалась – бессонница, ощущение жара в мозгу, мурашки по коже, – Майя задавалась вопросом, знала ли Венди, какой ад ждет ее подругу.

Сама Майя не знала. Психиатр – доктор Барри, который прописал ей эти таблетки семь лет назад, не упомянул о зависимости. Он только сказал, что таблетки помогут ей уснуть. Так и было – какое-то время. Шли месяцы; для достижения нужного эффекта ей требовалось все больше и больше, и доктор Барри всегда был рад услужить, увеличивая дозу одним движением ручки – вплоть до момента, пока Майя не окончила колледж и не лишилась страховки. Не имея возможности самостоятельно оплачивать свои сеансы, она обнаружила, что осталась без рецептов, и только тогда поняла, что больше не может спать без таблеток.

К счастью, у Венди тоже имелся рецепт, а она не очень-то доверяла психиатрическим учреждениям, поэтому не принимала никакие прописанные ей врачом лекарства, предпочитая продавать их или обменивать на другие препараты. Майя покупала транквилизатор у Венди в течение последних трех лет, с тех пор как окончила колледж. Все это время она уверяла себя, что собирается бросить. Она не ожидала, что это будет легко, но реальная тяжесть ситуации застала ее врасплох, и поиск симптомов в *Google* только все усугубил. Бессонница, беспокойство, тремор, мышечные спазмы, паранойя, возбуждение – с этим она могла справиться. Больше всего ее пугала возможность галлюцинаций.

Ей потребовалась вся ее воля, чтобы закупорить джин и вернуть его в морозилку. Она пошла в ванную, сделала глоток сиропа от кашля со снотворным эффектом и поморщилась, ощутив его вкус. Ее отражение в зеркале вздрогнуло в ответ, призрачное в свете, льющемся сквозь высокое матовое окно. Ее кожа была бледной и липкой, запавшие глазницы походили на кратеры. Ломка лишила ее аппетита, и Майя заметила, что серьезно потеряла в весе: скулы и ключицы стали более выраженными. Она заставила себя расслабить стиснутые челюсти.

В гостиной девушка устроилась на диване и стянула с себя пропотевшую фланелевую рубашку. Включила настольную лампу и попыталась погрузиться в книгу, мистическим текстом которой до сих пор наслаждалась, но обнаружила, что перечитывает один и тот же абзац снова и снова. Тишина казалась оглушительной. Но очень скоро улица снаружи заполнится голосами пассажиров Зеленой линии, людей, садящихся в свои машины, припаркованные вдоль обочины, звуками хлопающих дверей. Она услышала шаги и, обернувшись, увидела Дэна, выходящего из темноты коридора. Он выглядел полусонным, волосы, примятые подушкой, торчали в разные стороны. Он засиделся допоздна, готовясь к экзаменам за третий курс юридического колледжа.

Им обоим было по двадцать пять, но Дэн стремился в своей жизни к большему, или, по крайней мере, так казалось Майе. Скоро он закончит учебу, поступит в адвокатуру и

начнет искать работу – задачи, которым она не завидовала. Зато завидовала его вере в себя. Он хотел стать юристом-экологом и упорно стремился к этой цели с тех пор, как они познакомились, когда, окончив Бостонский университет, она работала в *Kelly's Garden Center*, общаясь с клиентами и ухаживая за растениями в горшках.

Не то чтобы она считала эту работу ниже своего достоинства, только порой беспокоилась, что так думает Дэн или что он свысока смотрит на очевидное отсутствие в ней энтузиазма. В первые дни знакомства она сказала ему, что хочет стать писательницей, и он поддержал ее; время от времени поднимал эту тему, спрашивал, когда ему удастся прочитать ее работы. Но правда заключалась в том, что Майя ничего не писала с последнего курса колледжа.

В последнее время он перестал спрашивать, точно больше не верил, что она когда-нибудь доведет это дело до конца.

В полумраке Дэн щурился, глядя на нее. Майя сидела на диване в одном нижнем белье, в то время как на нем были спортивные штаны, шерстяные носки и рубашка с длинными рукавами.

– Эй... – неуверенно произнес он. – С тобой все в порядке?

Майя кивнула.

– Просто не могу уснуть.

Но Дэн не был глупцом. На самом деле он был чрезвычайно умен – одна из причин, по которой она любила его. Он

догадывался – что-то не так, и она хотела бы рассказать ему – она обещала себе, что сделает это, – но сейчас, очевидно, было неподходящее время. Снова. Поднявшись с дивана, она накинула на плечи вызывающую зуд фланель, пересекла гостиную и дотронулась до его плеча.

– Я как раз собиралась вернуться в постель. – Она посмотрела в его усталые глаза и прошла мимо него в спальню.

Трудно было сказать, когда в спальне образовался такой беспорядок. Ни один из них от природы не отличался опрятностью, тем не менее им удавалось поддерживать чистоту в гостиной и кухне. Однако, поскольку у гостей никогда не было причин заходить в спальню, Майя и Дэн, раздеваясь, бросали одежду на пол, оставляли повсюду грязные кружки, бокалы для вина и книги. В последнее время стало еще хуже. Беспорядок никогда не беспокоил ее, но сейчас комната пугала, словно иллюстрировала то, что творилось в ее голове.

Она легла и закрыла глаза, Дэн издал какой-то звук, словно хотел что-то сказать. Она ждала. Ждала до тех пор, пока его дыхание не выровнялось и он не уснул.

* * *

Сон начался сразу же. Только что Майя прислушивалась к дыханию Дэна, а в следующее мгновение уже направлялась в дом Фрэнка. Пробуждаясь, она забывала это место, но во сне знала дорогу наизусть: вниз по узкой тропинке через лес,

затем по мосту на поляну на другой стороне. Домик стоял на поляне, окруженный стеной деревьев. На крыльце пустовали два кресла-качалки. Дверь была заперта, но во сне у Майи всегда был ключ.

Девушка вошла внутрь не потому, что хотела этого, а потому, что у нее не было выбора. Какая-то часть ее – та часть, которая спала, – настаивала на возвращении сюда ночь за ночью, словно предполагалось, что она должна была что-то здесь делать и прекрасно понимать, что именно. В высоком каменном камине тепло потрескивал огонь. Стол был накрыт на двоих. Две тарелки, две ложки, два стакана, которые еще предстоит наполнить. В кастрюле на плите готовился ужин, что-то вроде тушеного мяса с розмарином, чесноком и тимьяном. Блюдо пахло восхитительно, и Майя почувствовала, как ее тело начало расслабляться, замедляться, даже когда ужас пророс в ее животе и обвил своими щупальцами ее сердце.

Это не было похоже на сон. Она знала, что Фрэнк рядом. Он всегда был рядом. Ручей тихо журчал за окном. Умиротворяющий звук, но Майя не обманывалась. Здесь была опасность, укрывшаяся прямо под поверхностью вещей, вплетенная в ткань этого места. Опасность в его уюте, в его тепле. Опасность таилась даже в звуке ручья, в его нежном журчании, которое становилось громче. Шум воды, бегущей по камням. Ритмичный и настойчивый, он слышался все резче и отчетливее, пока, казалось, не заговорил с ней; слова

всплывали из белого лепета, но исчезали прежде, чем она успевала их уловить.

Майя вслушивалась, пытаясь их разобрать, пока не осознала, что с ней разговаривает не вода. Это был Фрэнк.

Он стоял у нее за спиной и что-то шептал ей на ухо. Каждый волосок на ее теле встал дыбом. Ее сердце бешено колотилось, а в ушах звенел ужас, когда она медленно обернулась.

Майя открыла глаза, вся мокрая от пота.

Она редко помнила свои сны после пробуждения, а когда вспоминала, впечатление обычно было расплывчатым. Однако за те дни, что прошли с тех пор, как она приняла последнюю желтую таблетку, она спала лишь урывками, а ее сновидения стали более яркими. Они оставляли после себя туман ужаса. Она потянулась к часам и повернула их к себе. 5:49. Осторожно, чтобы не разбудить Дэна, снова поднялась с кровати, схватила со стола свой ноутбук и на цыпочках прокралась в гостиную.

Девушка включила плейлист с успокаивающими звуками природы и нашла мамин рецепт немецкого шоколадного торта. Сегодня вечером им с Дэном предстоит два часа ехать в Амхерст на день рождения его мамы. Обычно Майя ждала этого с нетерпением – ей нравились его родители, и она предложила (до того, как у нее закончились таблетки) испечь его маме торт. Однако теперь девушка задавалась вопросом, как ей пережить их совместный ужин так, чтобы его родите-

ли не заподозрили неладное.

Она хотела их одобрения. Когда они впервые встретились, отец Дэна решил, что будет интересно поговорить с ней по-испански. Это было некстати и создало неловкость, поскольку испанский Майи оставлял желать лучшего, так как она изучала его в старших классах и говорила как любой другой носитель английского языка: ее гласные были слишком длинными, глаголы – в неправильном времени, тогда как отец Дэна умел раскатывать буквы «р». «Извините», – пролепетала она ему по-английски. И с тех пор каждый раз пыталась реабилитироваться в глазах родителей Дэна.

Грета и Карл были умны, как и их сын. Интеллектуалы. Она была фотожурналистом, а он – учителем пятого класса и поэтом, говорящим на нескольких языках. Майя стремилась понравиться им, более того, она мечтала быть похожей на них. Она не планировала работать в садовом центре вечно. Девушке хотелось рассказать им, что ее отец тоже был писателем, пусть даже ее мама работала на кухне роскошного реабилитационного центра, выпекая хлеб.

Но тогда родители Дэна, возможно, заинтересовались бы подробностями жизни отца, который умер до ее рождения. Упоминание этого факта всегда приводило к минутному замешательству, поскольку все принимались искать правильные слова, а последнее, чего она хотела сегодня вечером, – это еще большей неловкости.

Она просто признается, что чувствует себя неважно. Это

было правдой. Она замаскирует темные круги под глазами и постарается не нервничать. Будет улыбаться, не слишком широко и не слишком слабо, и никто не догадается, как мало она спала.

Потирая виски, Майя попыталась сосредоточиться на звуках водопада, доносящихся из динамиков, записала нужные ингредиенты: кокосовая стружка, пахта, орех пекан. Затем, поскольку никак не могла сосредоточиться на книге, зашла на *YouTube* и пролиставла множество каналов, на которые подписалась. Ей нужно было что-то, чтобы отвлечься от жажды, грызущей ее мозг, что-то, способное привлечь внимание и удержать его.

Но Майи не было ни в каких социальных сетях. Ее друзья считали это эксцентричным, зато Дэн утверждал, что находит это необычным, и ей удалось убедить даже саму себя, что это была своего рода позиция, некий вызов с ее стороны. Может быть, в какой-то степени так оно и было, но правда была более сложной и не относилась к тем вещам, о которых Майе следовало бы думать прямо сейчас. Ее беспокойство уже достигло десяти баллов.

Она посмотрела короткое видео о кошке, которая вырастила осиротевшего бигля как родного, затем о бостонском терьере с талантом к скейтбордингу. У нее не было ни фотографии профиля, ни какой-либо идентифицирующей информации в Интернете, но, конечно, это не мешало ей получать целевую рекламу и рекомендации.

Позже Майя задастся вопросом, не потому ли то видео появилось в ее ленте. «Смерть девушки зафиксировала камера». Конечно, она кликнула. Согласно подписи зернистое шестиминутное видео было снято камерой видеонаблюдения в закусочной в ее родном городе – Питсфилд, штат Массачусетс. Несмотря на то, что закусочная выглядела так, словно была построена в 1950-х годах, скорее всего она была недавно переоборудована, поскольку Майя с ходу ее не узнала. Внутри вдоль стены с большими окнами тянулся ряд гляцевых кабинок, в основном пустых. Похоже, была середина дня. Видео было цветным, но низкого качества с размытой картинкой. Полы в черно-белую клетку. Фотографии классических автомобилей на стенах. Единственными посетителями были семья из четырех человек и двое пожилых мужчин, пьющих кофе.

Камера, направленная на входную дверь, призванная запечатлеть преступника, врывающегося внутрь с пистолетом или выбегающего с кассовым аппаратом, зафиксировала нечто иное. Вначале, когда дверь открылась, на пороге появились двое, выглядевшие как обычная пара: мужчина лет тридцати и женщина чуть помоложе. Женщина была немного похожа на Майю, с круглым открытым лицом, высоким лбом и большими темными глазами.

Сопровождал ее Фрэнк Беллами.

В этом Майя не сомневалась. Она не видела его последние семь лет, но невозможно было перепутать этот маленький

подбородок и слегка искривленный нос, легкую походку и взъерошенные волосы. Видео стерло все признаки старения с его лица, сделав его таким, каким она его помнила. Будто вообще не прошло никакого времени с момента их последней встречи. Она наблюдала, как пара усаживается в кабинку и берет ламинированные меню. Подошедшая официантка принесла воду и приняла заказы, не записывая их.

То, что происходило дальше, выглядело как обычная беседа между мужчиной и женщиной, не считая того, что говорил только Фрэнк, а его спутница слушала. Она сидела так, что камера выхватывала ее лицо, в то время как он был слегка отклонен в сторону, так что виднелось только его правое ухо, щека и глаз, а также уголок рта.

Холодные щупальца обвилились вокруг легких Майи.

Многие зрители в этот момент, вероятно, перестали смотреть, так как видео длилось уже пять минут и почти ничего не происходило. Даже кликбейтного заголовка⁴ было недостаточно, чтобы удержать внимание большинства людей дольше определенного момента. Тот, кто опубликовал видео, мог бы отредактировать этот длинный разговор Фрэнка с женщиной, но, возможно, он был необходим, чтобы показать: то, что произошло дальше, действительно возникло из ничего.

---

⁴ Провокационные и манипулятивные приемы в цифровой среде, направленные на привлечение внимания и получение трафика. Обычно под кликбейтом подразумевают заголовки-сенсации, которые вводят пользователя в заблуждение.

Майя наклонилась ближе к экрану, пытаясь прочесть выражение лица женщины. Казалось, ту лишь смутно интересовало то, что говорил Фрэнк, ее расслабленное лицо не давало никакого ключа к разгадке ее мыслей. Фрэнк мог рассказывать ей историю, явно лишённую юмора или элемента неожиданности. Либо он мог проговаривать ей какие-то инструкции или указания, как куда-то добраться.

Она казалась студенткой в глубине лекционного зала сонным летним днем. Сидя в кабинке, все еще не сняв свое пушистое желтое пальто, она с нежностью устремила свои темные глаза на его лицо, положив локти на стол. Майя заметила на временной шкале, что до конца видео осталось всего двадцать секунд. Вот тогда-то это и случилось.

Женщина закачалась взад-вперед на своем сиденье, согнулась в пояснице, широко раскрыв глаза, не предприняла никаких попыток смягчить падение, даже не стала упираться предплечьями в стол, когда ее голова рухнула вниз. При других обстоятельствах внезапность была бы комичной, как если бы клоун уткнулся лицом в пирог с банановым кремом, лежащий на столе. Только здесь не было ни пирога, ни веселья. Всего лишь небольшая ошеломленная пауза, прежде чем Фрэнк бросился к своей спутнице, скользнул рядом с ней, что-то говоря, вероятно, зовя ее по имени. Теперь, когда он стоял лицом к камере, было легко заметить его страх и удивление.

Когда он притянул женщину к себе, та мертвым грузом

повисла у него на руке. Видео закончилось как раз в тот момент, когда к ним подбежала официантка. Но за мгновение до того Фрэнк поднял глаза к камере и уставился в объектив, и Майе показалось, что он смотрит прямо на нее.

Трясущимися руками она закрыла ноутбук.

Видео было опубликовано менее трех дней назад и уже набрало 72 000 просмотров. У Фрэнка были все основания думать, что она его увидит, а это означало, что у нее были все основания бояться. В конце концов, Майя не в первый раз становилась свидетелем того, как кто-то падает замертво в его присутствии.

Два

Обри Уэст, лучшая подруга Майи по старшей школе, упала замертво ясным летним днем незадолго до того, как Майя уехала в колледж. Смерть Обри не была заснята на видео, но, тем не менее, привлекла к себе внимание. Репортажи по телевидению, газетные статьи, сплетни. Здоровая семнадцатилетняя девушка без видимой причины падает и умирает. «Как это могло с ней случиться?» – гадали люди.

Как и девушка на видео, Обри в тот момент разговаривала с Фрэнком. И Майя была убеждена, что именно он и убил ее. Она не могла объяснить, как он это сделал – даже если и догадывалась, почему, – и в конце концов, поскольку у нее не было доказательств – как и уверенности в себе, в правильности собственного восприятия, даже в собственном здравомыслии, – у нее не оставалось выбора, кроме как принять ситуацию и жить дальше.

Или, по крайней мере, попытаться.

Майя всегда любила хорошо повеселиться, с тех самых пор, как Обри впервые стащила пинту водки у своей мамы и они выпили ее, смешав с SunnyD⁵. Но тогда выпивка имела для них другой смысл. В подростковом возрасте они с Обри стремились к разного рода «подвигам» и считали се-

---

⁵ Апельсиновый напиток, разработанный в 1963 году компанией Doric Foods (США).

бя непохожими на «перегоревших» в школе детей, которые между уроками пробирались к доске анонимных жалоб и сутулились у своих шкафчиков с покрасневшими глазами. Майя училась на отлично, не прилагая усилий, а Обри, хотя ее оценки никогда этого не отражали, была по-своему умна. Она разбиралась в людях, видела их поступки насквозь. Ее семья много переезжала, когда она была маленькой, так что у нее был большой опыт в приобретении друзей, но одной вещи она так и не научилась – сохранять их.

Майя познакомилась с новенькой на уроке английского в девятом классе. Та выглядела загадочной и интригующей для всех, особенно для мальчиков, благодаря своим зеленым глазам и лукавой улыбке. Майя стала одной из большого количества новых подруг, которых Обри завела за первые несколько недель учебы в школе, но лишь их дружба оказалась крепкой. И они обе дорожили ею.

Они работали в паре, готовя доклад об Эмили Дикинсон, и сблизилась благодаря поэзии. Их объединила способность восхищаться красивой рифмой. Вместе с тем они были очень разные: Обри – вечная новенькая, и Майя – вечно уткнувшаяся носом в книгу. Она выглядела латиноамериканкой, но выросла с белой матерью-одиночкой и очень мало знала о своей семье в Гватемале. При этом чувствовала, что не вписывается в общество других испаноязычных детей, однако, не будучи белой, выделяется и в Питтсфилде.

Майя проводила большую часть своего времени за чтени-

ем и придумыванием историй. Она была популярнее среди учителей, нежели среди своих сверстников, но ее это устраивало. Она собиралась стать писателем так же, как ее отец, хотела сочинять книги и прославиться. Она собиралась оставить Питтсфилд позади.

Она поступила практически во все университеты, в которые подавала документы, и выбрала Бостонский из-за программы творческого письма и предложенной стипендии. Но за неделю до начала учебы умерла Обри.

И жизнь Майи разделилась на «до» и «после».

Она потеряла самую близкую подругу. Все произошло у нее на глазах, но по сей день она чувствовала, что в этом инциденте было нечто большее, чем она увидела. Сродни наблюдению за магическим трюком, когда понимаешь, что это иллюзия, но не знаешь, как фокуснику она удалась.

Ситуация казалась невероятной. Обри была здорова, у нее не имелось никаких хронических заболеваний. Ее родители потребовали вскрытия, но оно не дало никаких ответов, и медицинский эксперт в конце концов назвал произошедшее «внезапной необъяснимой смертью». По-видимому, так называют случаи, когда кто-то падает замертво безо всякой причины, частенько обвиняя сердечную аритмию или отдельные виды припадков.

Лишь Майя была уверена, что причина всему – Фрэнк.

Не было ни оружия, ни яда, ни какого-либо контакта. На теле Обри не было ни кровоподтеков, ни ран. Майя не могла

ничего доказать – даже объяснить не могла, – но она настаивала на том, что он каким-то образом обманул их всех.

Возможно, будь у нее хоть какие-то, даже незначительные улики, полиция отнеслась бы к ее заявлению серьезнее. Но как бы то ни было, они допросили Фрэнка и, не найдя причин задерживать его, отпустили, предупредив Майю об опасности ложных обвинений. Заметив, что своим поступком она могла разрушить мужчине жизнь.

Мама очень терпеливо и внимательно отнеслась к подозрениям дочери, но когда они не подтвердились, стала беспокоиться о психическом здоровье Майи. Психическое заболевание преследовало семью, как проклятие, и семнадцать лет были как раз тем возрастом, когда оно могло нанести удар.

Вот так девушка оказалась на приеме у доктора Фреда Барри, которого мама Майи нашла в «Желтых страницах».

После часовой беседы врач диагностировал у Майи кратковременное психотическое расстройство, которое могло быть спровоцировано горем. Он нашел ее страхи насчет Фрэнка бредовыми, но заверил, что она была не первой, кто объяснял столь внезапную смерть магией, мистикой или чем-то подобным. Из ста тысяч человек примерно двое внезапно умирают по причинам, которые не могут быть объяснены вскрытием.

В некоторых культурах в таких смертях обвиняют злых духов. Разум всегда будет пытаться объяснить то, чего он не может понять, – он будет придумывать истории, теории, це-

лые системы убеждений, а разум Майи, по словам доктора Барри, принадлежал к тому типу, который видит лица в облаках и послания в чайниках, находит закономерности там, где другие их не видят. Это означало, что у нее хорошее воображение, при этом способное обмануть ее саму.

Нейролептики притупили жгучую уверенность в том, что Фрэнк каким-то образом обманул всех, но это чувство так и не исчезло полностью. Иногда оно накатывало на нее, словно темное наваждение. Кошмарное убеждение в том, что доктор Барри был неправ, хотя все ему верили, и что Фрэнк на самом деле убил ее лучшую подругу.

Вместе с этой убежденностью пришел страх. Майя была для Фрэнка помехой, свидетелем того, что он натворил. Если он действительно убийца, у нее имелись все основания бояться, и тот факт, что она не знала, как он это сделал, усугублял ситуацию, порождая ужасную неопределенность, которая не давала ей двигаться дальше. Вот только со временем она научилась не говорить о своих подозрениях ни с доктором Барри, ни с кем-либо еще. Ее бесило, когда люди смотрели на нее как на сумасшедшую. Убедившись, что девушка отказалась от бредовых мыслей, доктор Барри объявил ее выздоровевшей, хотя и немного встревоженной, и заменил нейролептики на транквилизатор.

Это сработало. Новый препарат притуплял страх и вырубал ее ночью.

Алкоголь тоже помогал. На протяжении всего обучения

в колледже она несколько вечеров в неделю напивалась до беспамятства. Ей все еще удавалось получать пятерки и четверки, но она посещала самые простые занятия в переполненных аудиториях, где никто не знал ее имени, и не имело значения, была ли она с похмелья. Она продолжала убеждать себя, что ей весело. Возможно, так оно и было; это оказалось трудно вспомнить. В Интернете имелось достаточно смущающих фотографий, на которых она с неизменным напитком в руках танцует на столешницах, чтобы предположить, что она прекрасно проводила время.

После колледжа она была счастлива устроиться на работу в Kelly's Garden Center. И хотя время от времени она садилась за стол, чтобы что-то написать, ей никогда не удавалось продвинуться дальше первой страницы. Проблема заключалась в том, что Майе больше не нравилось оставаться наедине со своими мыслями. Она уже больше года работала в садовом центре и делила квартиру со своей подругой Ланой, когда познакомилась с Дэном.

Они встретились на вечеринке в тот момент, когда все либо танцуют потной толпой, либо слишком громко чавкают на кухне, либо валяются на кровати хозяина, либо закидывают в себя что покрепче. Майя предположила, что они с Дэном были под кайфом, когда в очереди в туалет между ними завязался разговор – как еще объяснить, что они продолжили беседу за завтраком на следующее утро, сидя друг напротив друга в любимом мексиканском ресторане Майи?

За уэвос ранчерос⁶ и кофе де олья⁷ с корицей они говорили обо всем, но больше всего Майе запомнилось, что Дэн, как и она, в детстве прочитал адаптированную версию «Илиады» и с тех пор был одержим греческой мифологией.

Возможно, это была близость от общения с кем-то, кто любил те же истории. Или дело было в том, что, вспоминая о них, они на самом деле говорили о себе. Прошли годы с тех пор, как Майя в последний раз рассказывала кому-либо о главной травме своей жизни, и хотя в ту их встречу она об этом не упомянула, она нашла определенное утешение в том, как трогательно Дэн сочувствовал Кассандре, женщине, проклятой предсказывать правду, в которую никто не верил.

Только на их третьем или четвертом свидании Майя поняла, что он почти не пьет – выпивал на вечеринке максимум два бокала и не употреблял наркотики. Это означало, что их первый разговор на самом деле не был подпитан измененным сознанием, по крайней мере, со стороны Дэна, что казалось важным.

А также это означало, что теперь рядом с ней был спокойный и трезвый мужчина, в отличие от большинства предыдущих партнеров, которых, оглядываясь назад, Майя скорее назвала бы собутыльниками. Ощущение его пристально-

---

⁶ Мексиканское блюдо из жареных яиц на тортилье со свежим соусом из томатов и острого перца.

⁷ *Исп.* Café de olla (кофе в горшке) – кофейный напиток, популярный в Мексике.

го настороженного внимания к ней действовало на нервы, но со временем – за поздними завтраками и обедами, долгими беседами и все более уютным молчанием – Майя обнаружила, что, будучи рядом с ним, тоже хочет оставаться трезвой, чтобы не упустить ни одной минуты, проведенной вместе. Они катались на велосипедах вдоль реки Чарльз. Устроившись на диване, смотрели кулинарное шоу «Железный шеф-повар». Вместе готовили на его кухне сложные, изысканные блюда.

Поначалу Майе было нелегко все это время оставаться трезвой. Иногда ни с того ни с сего воспоминания, подобно долго спящим левиафанам, пробуждались, угрожая подняться и поглотить ее целиком. Обри падает на землю. Темный блеск глаз Фрэнка. Ужас от осознания того, что все усилия Майи оставаться незамеченной ничего не будут значить, если он решит, что хочет найти ее.

Но не только воспоминания преследовали девушку в эти дни. После почти десяти лет непрерывного пьянства она обнаружила, что забыла, как справляться с повседневными заботами, например, получить права или лечь спать в разумное время. Казалось странным, расстраиваясь, не напиться.

Порой она ловила себя на том, что огрызается на Дэна безо всякой причины, и ненавидела себя за это. Боясь оттолкнуть его, она изо всех сил старалась скрыть свое беспокойство, хотя даже воздух внезапно становился сырым и колючим. Она никогда не упоминала, что просыпается на рас-

свете в холодном поту, или о бессоннице, которая вообще не давала ей уснуть. Но в конце концов все успокоилось, чему способствовал транквилизатор, заменивший водку и джин, которые она обычно употребляла, чтобы вырубиться.

Иногда она принимала препарат и в течение дня, постепенно увеличивая дозу по мере того, как росла ее зависимость. Для Майи было важно, чтобы прежний страх превратился в далекий и не такой всепроникающий, как она опасалась. Обычно мысли не будоражили ее, или, возможно, просто прошло достаточно времени. Она хорошо питалась и занималась спортом, редко выпивая больше одного стакана за вечер (вместе с несколькими таблетками из пузырька с этикеткой аспирина, которые она хранила в сумочке, чтобы Дэн случайно не проглотил одну из них, решив, что это аспирин).

В эти дни, когда Майя думала об Обри или Фрэнке, или ей снилось, что она вернулась в домик, она утешала себя словами доктора Барри, который заверил ее, что она ничего не могла сделать для Обри. Никто ничего не смог бы сделать. Никто не был виноват в случившемся. Даже Фрэнк.

Майя повторяла себе это каждый раз, когда звонил телефон и она не узнавала номер, или она слышала шаги позади себя на темной улице. Но как могли две женщины упасть замертво без видимой причины, разговаривая с одним и тем же мужчиной?

Три

– И что именно я здесь должен увидеть? – Дэн сидел в очках и казался сбитым с толку картинкой на компьютере Майи, да и ситуацией в целом. Он проснулся в семь утра, обнаружил ее, нервно расхаживающую по гостиной. В данную минуту она вместо объяснений демонстрировала ему какое-то видео.

– Фрэнк Беллами, – проговорила она, когда на экране пара вошла в закусную.

– Кто?!

Они с Дэном заранее обсудили свои прошлые отношения, но Майя не рассказала о Фрэнке. Она пыталась выбросить этого человека из головы вместе с остальной частью того лета, когда она либо стала свидетельницей убийства своей лучшей подруги, либо абсолютно неожиданно сошла с ума.

– Я познакомилась с ним после окончания средней школы, – начала девушка. – Мы вроде как встречались.

Отношения длились всего три недели и закончились в тот день, когда умерла Обри, или, точнее, трансформировались в нечто иное – в страх, который изуродовал каждый аспект дальнейшей жизни Майи. Дэн приподнял бровь и улыбнулся уголком рта.

– Это что, киберпреследование? Мне уже ревновать?

– Просто посмотри. – Ей требовалось его непредвзятое

мнение.

Дэн успешно учился на юридическом факультете, хорошо подмечал детали, которые другие могли упустить, и понимал, как они вписываются в историю.

– Скажи мне, если заметишь что-нибудь... необычное во Фрэнке, – проговорила она.

Улыбка Дэна исчезла, когда он увидел выражение ее лица. Он вновь повернулся к экрану, откидываясь на спинку дивана, в то время как Майя примостилась рядом, поджав под себя голые ноги. Она не могла до конца поверить, что решилась продемонстрировать ему это видео.

С одной стороны, она хотела забыть Фрэнка, и всего несколько часов назад казалось, что это почти удалось. Она хотела убедить себя, что ей все мерещится, что она видит связи там, где их нет. Было легко скрыть видео не только от Дэна, но и от самой себя, и продолжать вести себя так, будто ее самая большая проблема – отсутствие транквилизатора.

Но потом Майя вспомнила лицо мертвой женщины, не так уж сильно отличающееся от ее собственного, только более молодое и, быть может, более наивное. Насколько вероятно, что и она, и Обри, с разницей в семь лет, без причины упали замертво в присутствии Фрэнка. Она полагала или, по крайней мере надеялась, что Дэну это покажется подозрительным.

– Она похожа на тебя, – заметил он.

Нельзя было отрицать, что Фрэнк предпочитал опреде-

ленный типаж.

– Пацанка, – продолжал Дэн.

– Он был впечатляющим рассказчиком...

Женщина на экране подалась вперед.

– Что за чертовщина?! – Дэн наблюдал, как Фрэнк трясет женщину за плечи, беззвучно крича. – Подожди, – произнес он. – Она же не...

– Да! – Майя обхватила себя ладонями, сжала концы рукавов в кулаках. – Я навела о ней справки. Кристина Льюис. Ей было двадцать два.

– Ничего не понимаю. Что случилось?

Майя медленно покачала головой.

– Не знаю. Но я думаю, он... – Она была не в силах произнести это после стольких лет: так глубоко она запрятала эти слова. – Я думаю, это сделал он.

Глаза Дэна расширились.

– Сделал что? Убил ее?

Она кивнула.

– Каким образом?

– Я не знаю. – Дэн смотрел на нее, ждал продолжения. Она сглотнула. – Ты помнишь, я рассказывала тебе о своей подруге Обри?

– Конечно. Та... которой не стало. – Он говорил осторожно, зная, как ей тяжело.

Майя рассказала ему об Обри и о том, что она мертва, но не ответила на единственный вопрос, который возникает у

каждого, когда он узнает о чьей-то смерти: как это произошло? Тогда Майя не хотела откровенничать, но теперь ей пришлось.

– Обри умерла, – произнесла она медленно, – точно так же, как Кристина. Она просто... рухнула. Я видела, как это произошло.

Растерянность на лице Дэна обнадеживала.

– Что сказал судмедэксперт?

– Есть такой термин, обозначающий ситуации, когда они не могут понять, что убило человека: «внезапная необъяснимая смерть». Это бывает крайне редко и почти всегда в тот момент, когда человек спит. Он просто больше не просыпается.

– Вау. Это... ужасно.

– Но видишь ли в чем дело. Обри не спала, когда это случилось, она разговаривала с Фрэнком.

Дэн наклонился ближе к экрану ноутбука, перемотал видео и пересмотрел ту часть, где умирает Кристина. Затем он посмотрел его снова. Майя наблюдала за ним, надеясь, что он сможет уловить то, что она пропустила. Но когда он заговорил снова, в его голосе звучало недоумение.

– Так как же он ее убил?

Как будто у него есть какая-то сила... Именно это Майя сказала полиции, когда ей было семнадцать, но теперь она была умнее и понимала, что должна звучать рационально.

– Я никогда этого не понимала, – ответила она, – но если

кто и способен на нечто подобное, так это Фрэнк.

Дэн нахмурил брови.

– Полиция его не допрашивала?

– Они отпустили его. – Ее плечи поникли.

– Ясно... а что насчет Кристины Льюис? Что известно о том, как она умерла?

Она услышала сомнение, закрывшееся в его голос, и ощутила старый вкус гнева, который охватывал ее всякий раз, когда кто-нибудь – полиция, доктор Барри, ее собственная мама – не верили ей.

– Вот, – проговорила она, открывая на своем компьютере статью в *Berkshire Eagle*⁸. – Это все, что мне удалось найти. – Она смотрела, как Дэн читает статью, и осознавала, что это не поможет.

В статье говорилось, что Кристина родилась в Юте, была художницей и работала продавцом билетов в музее Беркшира⁹. Либо ее смерть действительно была такой необъяснимой, какой казалась, либо прессе сообщили не все.

После изложения того, что произошло – практически пересказа видео, – в статье была напечатана цитата ее скорбящего бойфренда Фрэнка Беллами: «Просто в голове не укладывается. Я очень сожалею, что не смог ничего сделать».

Майю расстроили не его слова, а тот факт, что в статье он был представлен в качестве *свидетеля*.

---

⁸ Американская ежедневная газета.

⁹ Музей искусства, естественной истории и древней цивилизации.

– Здесь говорится, что смерть не рассматривается как подозрительная, – отметил Дэн. – Полиция допросила Фрэнка, поскольку он там присутствовал.

Майя усмехнулась.

– То же самое было в прошлый раз.

Дэн внимательно посмотрел на нее – напряженная поза и вспотевшие виски, тяжелые мешки под глазами.

– С тобой все в порядке?

– Да, просто я расстроена.

Казалось, это его не убедило. Даже обеспокоило.

– Что происходит? – настаивал он. – Что-то было не так еще до того, как ты обнаружила это видео.

Она могла бы рассказать ему о таблетках. Но Дэн не поверил ей насчет Фрэнка. Он пытался, но у него ничего не вышло. Сказать ему, что она переживает ломку, значит только ухудшить ситуацию.

– Просто видеть, как умирает та девушка... – Она замолчала.

– Могу себе представить. Должно быть, было очень тяжело потерять свою лучшую подругу.

Ее глаза наполнились слезами. Она отвела взгляд. Любой другой, скорее всего, понял бы, насколько она расстроена, и принялся утешать. Но в отличие от нее Дэн легко говорил людям то, что они, возможно, не хотели бы слышать. Она ничего не хотела в нем менять, но это причиняло боль. Не было никого, чьему мнению она доверяла бы больше, и если

он не верил, что Фрэнк мог убить Кристину, то, вероятно, был прав.

И у Майи все-таки паранойя.

Четыре

Она знала, что торт получится отменным. Насыщенный шоколадный вкус, посыпка из орехов пекан. И он прекрасно будет смотреться на подставке, которую она купила специально для этой цели. Майя хотела произвести впечатление на маму Дэна, известную фотожурналистку. Торт должен быть идеальным, и так будет, потому что Майя научилась печь у своей мамы – Бренды Эдвардс, которая в свою очередь научилась у своей, и так далее. Целая вереница женщин, которые занимались выпечкой для снятия стресса в течение многих лет, задолго до того, как кто-то придумал этот термин.

У Бренды была сестра по имени Лиза, чье поведение способствовало изготовлению многочисленных десертов. В детстве, в зависимости от настроения Лизы, девочки были то лучшими друзьями, то врагами. У нее была способность изменять обстановку вокруг себя, в соответствии со своими чувствами и ощущениями. Она могла превратить скучный поход по магазинам в приключение, а поездку на пляж – в адское испытание.

Куда бы Лиза ни пошла, везде хлопали двери и повышались голоса. Единственной постоянной в ее жизни были родители, трое братьев и Бренда, которая одна знала ее по-настоящему, которая больше всех винила себя в том, что случилось потом.

Лизе было пятнадцать, когда она начала подозревать, что ветерок с близлежащего озера проникает в окно ее спальни и отравляет ее ядовитыми парами. Бренда, будучи на два года младше, сначала поверила ей. И, по правде говоря, Силвер-Лейк, которое находилось менее чем в двух кварталах от дома, было печально известно своим загрязнением уже более ста лет. Первой изгадила воду хлопчатобумажная фабрика в 1800-х годах, за ней последовали шляпная фабрика и два разлива нефти. В 1923 году поверхность озера охватило пламя – и всё это было еще до того, как «Дженерал Электрик» сбросила в него полихлорированные бифенилы¹⁰.

Подозрения Лизы возникли не на пустом месте, но в течение следующих нескольких недель они переросли в навязчивую идею – первую, за которой вскоре последовали другие. Она перестала мыться, убежденная, что ядовитые воды озера просочились в их резервуар для воды. Она везде надевала противогаз, хотя родители умоляли ее не делать этого. Она воевала с ними всю свою жизнь, но со временем перепалки становились все ожесточеннее. Она заявила семье, что все они умрут, если не переедут в другой дом.

К тому времени, когда ей исполнилось шестнадцать, стало очевидным, что проблема не в Силвер-Лейк. С Лизой было что-то не так, но никто не говорил об этом вслух. Тогда

---

¹⁰ Органические соединения, обладающие ярко выраженными эмбриотоксическим, мутагенным и канцерогенным эффектами, являются иммунотоксикантами.

мало кто был готов обсуждать психические заболевания, не говоря уже о том, что родители Лизы – бабушка и дедушка Майи – были экспертами по увиливанию от проблем. Единственное место, где оба говорили открыто, было в темноте исповедальни в церкви.

Лиза так и не получила помощи, в которой нуждалась, довела себя водкой, травкой и в конце концов заболела СПИДОМ. Остальные члены семьи мирились с ней, пока ей не исполнилось восемнадцать и она не переехала в Калифорнию с мужчиной гораздо старше себя.

Она умерла в двадцать один год.

Майя с ней не встречалась, так как родилась позже. Но даже после смерти ее тетя Лиза оставалась главной персоной в семье. Поучительная история жизни сестры и чувство вины преследовали Бренду постоянно. Поэтому, когда ее дочь в возрасте семнадцати лет начала говорить бессмысленные вещи, она обратилась к психиатру и заставила Майю принимать нейрорептики, прописанные доктором Барри. По сей день Майя до конца не простила ее.

Она не видела свою маму больше года, но думала о ней каждый раз, когда пекла. Именно Бренда научила ее быть точной. Точность требовала сосредоточенности. Тщательно отмеряя муку стаканом, Бренда отвлекалась от криков сестры и угроз покончить с собой. Она научила свою дочь, как вкладывать все свое внимание в тесто, и именно этим Майя занималась сейчас. Включив миксер на максимальную мощ-

ность, перемешала ингредиенты и добавила три желтка. Ей удалось подавить всплывающие образы.

Дэн не поверил ей, но обижаться на него не хотелось. Она предпочла бы вернуть все так, как было до просмотра видео, – ко вчерашнему дню, – когда наконец спустя почти семь лет она убаюкала себя мыслью, что, вероятно, мама была права: возможно, Майя была такой же, как тетя Лиза, неспособной видеть дальше своих собственных заблуждений. *Больной разум*, как сказал доктор Барри, *редко способен распознать свою собственную болезнь*. Эти слова утешали Майю на протяжении многих лет, потому что если она действительно заблуждалась, то ей ничего не угрожало, поскольку Фрэнк на самом деле не убивал Обри.

Видеозапись разрушила надежду на покой, и Майя снова стала семнадцатилетней – единственной свидетельницей убийства. Разница была в том, что теперь она понимала, что ничего не может с этим поделать, и знала, что нет смысла обращаться в полицию. Она уже пробовала – безрезультатно. Она попыталась рассказать Дэну. Что еще она могла предпринять?

Поставив формы с тестом в духовку, девушка занялась глазурью, поджарила орехи пекан и закипятила молоко, добавила кокосовую стружку, попробовала и в кои-то веки не получила удовольствия. Глазурь была готова, и Майе не на чем было сосредоточиться, покуда тесто находилось в духовке.

Она вернулась к морозилке. В последнее время она была такой примерной, так держалась, и вот теперь, еще до полудня наливает себе уже вторую порцию за день. Но разве ситуация не чрезвычайная? Это видео выбило бы ее из колеи при любых обстоятельствах. Сейчас, когда она взвинчена и недосыпает, это совершенно невыносимо.

А ведь еще предстоял ужин с родителями Дэна.

Майя обожгла руку, вынимая противни из духовки. Она подержала ожог под водой, не обращая внимания на боль. Это позволило ей прийти в себя. Она принялась считать свои вдохи, убеждала себя, что не стоит заикливаться ни на видео, ни на Фрэнке. Особенно теперь, в состоянии ломки.

– Боже, здесь потрясающе пахнет! – воскликнул Дэн, входя с холода. Его взгляд упал на ее ладонь, подставленную под струю воды. – Ты что, обожглась?

– Ничего страшного.

Он выглядел обеспокоенным, но ничего не сказал, опускаясь на колени, чтобы развязать шнурки на ботинках. Должно быть, устал спрашивать, все ли с ней в порядке.

– Как дела с учебой? – поинтересовалась она.

– Продвигаются, – ответил он страдальческим тоном. Он был невероятным прокрастинатором, втискивая недели учебы в последние три дня перед экзаменами, и провел целый день за книгами, пока Майя убирала в спальне и поливала растения. Они планировали завести собаку, а это означало, что нужно избавиться от молочая с его ядовитым соком.

Она сфотографировала трехфутовый суккулент с оранжевыми и малиновыми верхушками стеблей, а затем разослала его нескольким друзьям, чтобы выяснить, кому он нужен.

Она также отправила снимок своей тете Каролине, чья любовь к растениям передалась Майе. *Tía*¹¹ Каролина жила в Гватемала-сити, и Майя встречалась с ней всего один раз, но они общались на расстоянии на протяжении многих лет. Она была единственной связью Майи со страной, откуда был родом ее отец.

Затем девушка попыталась почитать, но вскоре сдалась и отправилась погулять, чтобы бездумно не шататься по квартире. Она прошла по своему району, мимо зданий, очень похожих на то, в котором жили они с Дэном: с металлическими пожарными лестницами, поднимающимися по стенам, и кирпичными таунхаусами с бетонными верандами. Она прошла по Коммонуэлс-авеню до самого Бостонского университета, где училась, мимо круглосуточных магазинов и кафе с шаурмой, в которое часто заходила, затем продолжила путь к покрытой льдом реке Чарльз. Идя вдоль реки, мимо проносившихся бегунов и велосипедистов, она старалась не думать о Фрэнке.

Девушка вернулась домой впритык к моменту, когда уже нужно было выезжать. Дэн нервничал. Он согласовал визит со своим родителям несколько недель назад, не предполагая, что он опрометчиво затянет с подготовкой к экзаменам до

---

¹¹ Тетушка (*исп.*).

последней минуты. Майя налила себе джин в чайную чашку и выпила его в душе. Она уже изгоняла Фрэнка из своих мыслей раньше и могла сделать это снова. Она не будет думать ни о нем, ни об Обри, ни о Кристине.

Она редко пользовалась косметикой, но в этот вечер густо нанесла консилер, создающий ощущение маски. На ней был ее самый красивый свитер кремового цвета из кашемира, коричневые вельветовые брюки и сапоги на низком каблуке. Она накрыла торт стеклянной крышкой в форме колокольчика, сунула в рюкзак кое-какую одежду и зубную щетку и принялась ждать у двери, пока Дэн искал свои ключи.

– Нашел! – Он влетел в комнату в разнокалиберных носках.

* * *

Машину вел Дэн. Выезжая из города в лесистую глубинку штата, они оба были погружены в свои заботы. Амхерст находился в двух часах езды к западу. Родной город Майи Питтсфилд – всего в часе езды, но эти два города очень сильно отличались. Питтсфилд когда-то был шумным мегаполисом, но те времена закончились еще до рождения Майи. Город так по-настоящему и не оправился после закрытия «Дженерал Электрик» в 1970-х – 80-х годах.

Амхерст всегда бурлил благодаря заполнявшей его молодежи из пяти университетов этого района. Даже сейчас,

несмотря на то, что зимой студенты разъехались, центр города казался более оживленным, чем центр Питтсфилда. Здесь не было пустующих магазинов. Молодые семьи и профессора входили и выходили из кафе и ресторанов «farm-to-table». Независимый кинотеатр рекламировал фильм, о котором Майя никогда не слышала.

Дом, в котором вырос Дэн, был большим и выглядел современным, с острыми углами и окнами от пола до потолка, затененными живой изгородью. Снега здесь было больше, чем в Бостоне, и он покрывал лужайку тонким белым одеялом. Отец Дэна появился из двери, когда они выходили из машины.

Карл, более тяжелая и светловолосая версия Дэна, был учителем пятого класса и популярным местным поэтом. Очевидно, ученики любили его, и Майя могла понять, почему. В нем ощущалась такая же открытость и теплота, как у Дэна. Приветствуя своего единственного ребенка, мужчина расплылся в широченной улыбке, затем пожал Майе руку и повел их на кухню через прихожую с высокими потолками.

– Что предложить вам выпить? У нас есть любимый «дайкири» Греты, а еще вино и газированная вода.

– «Дайкири» – это здорово, – проговорил Дэн, пряча торт в дальний угол холодильника.

– И мне один, – сказала Майя. – Спасибо.

Она изо всех сил старалась казаться счастливой и расслабленной, поскольку ломка усиливала затаенную тревогу, на-

ряду с обычным беспокойством из-за желания произвести впечатление на родителей Дэна. Дело было не только в том, что она любила их сына, но и в том, что у них, казалось, имелось все, о чем она мечтала. Они были обеспечены и добились успеха в своих областях. Им платили за то, чтобы они думали. Они оба излучали удовлетворенность.

Майя начала расслабляться в тот момент, когда Карл протянул ей напиток. Благодаря думскроллингу¹² она знала, что алкоголь и транквилизаторы воздействуют на одни и те же рецепторы мозга, что объясняло, почему они вызывают похожие ощущения. Она выдохнула. Старалась пить не слишком быстро. В доме было тепло и пахло розмарином, чесноком и жареным мясом. Мебель была эклектичной. На стенах висели произведения искусства со всего мира: фотографии в рамках, вероятно, сделанные Гретой где-то в Марокко, керамическая мозаика, несколько масок.

Грета спустилась вниз в шелковой тунике и льняных брюках. Высокая и элегантная, она держала осанку, как человек, который много занимался йогой. Она была старше мамы Майи по меньшей мере на год, в ее распущенных кудрях было больше серебра, чем черного, но она казалась менее утомленной.

– Дэнни, – проворковала Грета, целуя сына в щеку и крепко обнимая его. Майя поднялась, чтобы поприветствовать

---

¹² Неконтролируемый просмотр волнующих новостных статей и сообщений в Интернете.

ее, и та чмокнула и девушку. От нее пахло розовой водой. – Спасибо, что пришли.

– С днем рождения, – улыбнулась Майя.

На ужин были запеченная баранья нога с розмарином, салат и молодой картофель. Майя сидела за столом рядом с Дэном и съежилась, когда его мама устроилась напротив нее. Грета была проницательна и впитывала мир глазами. Майе было не по себе от ее пристального взгляда.

Она обрадовалась, когда Карл открыл бутылку «Пино нуар». За весь день Майя съела лишь маленькую тарелку спагетти и ложечку глазури, поэтому сразу ощутила действие вина, особенно после «дайкири». Алкоголь ослабил тиски, сжимающие ее голову. Это смягчило остроту мыслей, и она почувствовала себя почти нормально, когда разговор, управляемый Гретой, стал непринужденным. Они беседовали о предстоящем затмении, которое она планировала сфотографировать, и о затмениях вообще, и Майя не могла придумать, что сказать, поэтому просто слушала и почувствовала настоящее облегчение, когда Грета ни с того ни с сего повернулась к ней и спросила, читала ли она Изабель Альенде.

Тут Майе было что сказать, и она надеялась, что родители Дэна воспримут это как доказательство ее начитанности, а не как подтверждение тому, что любой это читал. Вечер превзошел ожидания. На самом деле она чувствовала себя гораздо лучше, чем в последние дни, поэтому, увидев, что кто-то наполняет свой бокал вином, сделала то же самое. И

уже смеялась не нервно, а искренне, когда Карл рассказал забавную историю о четвертом Хэллоуине Дэна.

В тот год Дэн захотел быть тыквой – костюм, который родители не смогли найти ни в одном магазине, поэтому Карл сшил его сам.

– И честно говоря, – произнесла Грета, – это был хороший костюм! Очень креативный!

– Это очень мило с твоей стороны, – возразил Карл, улыбаясь, – но проволочный каркас развалился на полпути к «гадость или сладость», и все подумали, что это морковка!

Майя и Грета рассмеялись. Дэн, уже слышавший это раньше, казался напряженным, и она решила, что его мысли заняты выпускными экзаменами. Или, возможно, его беспокоило что-то еще.

Что, если она была навеселе больше, чем думала?

Снаружи поднялся ветер. Окна задрезбуждали в своих рамах.

– Хорошо, что вы останетесь на ночь, – сказала Грета. – Похоже, надвигается буря.

Все замолчали, и Майя опустила взгляд в свою практически нетронутую тарелку и наколола на вилку кусочек баранины.

– Скворечник, – внезапно сказал Карл.

Майя в замешательстве подняла глаза и увидела, что они с опаской смотрят в окно ей за спину. У нее защемило в затылке, когда она повернулась по направлению их взгляда, и

только сделав это (ее голова была слишком тяжелой, она двигалась слишком быстро), поняла свою ошибку.

Последний бокал вина явно оказался лишним. Майя не осознавала, насколько пьяна, пока не сделала это движение, и теперь два бокала «Пино нуар», ром «дайкири», чайная чашка джина в дополнение к двум рюмкам подействовали на нее как цунами. Ее глаза изо всех сил пытались сфокусироваться на том, на что смотрели все остальные. Скворечник. Ветер сорвал его, и теперь крошечный домик покоился в переплетении веток, смягчивших его падение. Но ветер усиливался, ветки дрожали, и в любую секунду скворечник с его тщательно обработанными летками и остроконечной крышей мог упасть и разбиться вдребезги о мерзлую землю.

Майя чувствовала себя так, словно находилась в нем. Комната накренилась. Пол закачался, и она вцепилась пальцами в края сиденья, чтобы не упасть.

– Пойду взгляну, смогу ли я его спасти, – объявил Карл.

Он ушел, и остались только она, Дэн и Грета с ее пронизательным взглядом. Два очень умных человека, которые, вероятно, могли обо всем догадаться по ее неловким движениям.

– Эй, – тихо произнес Дэн. – У тебя все в порядке?

Майя кивнула, уставившись в свою тарелку. Она чувствовала, что и он, и особенно Грета наблюдают за ней. Оценивающе.

Майя не могла поднять глаз. Тошнота подступила к горлу.

– Может, принести вам стакан воды? – спросила Грета без особой теплоты.

Майя покачала головой. Ей нужно было попасть в ванную.

– Я сейчас вернусь, – пробормотала она, вставая. Мысль о том, что ее вырвет на глазах у Греты на ужине в честь ее дня рождения, была настолько ужасной, что Майя неуклюже бросилась вон и почти выбежала из комнаты, когда у нее сработал рвотный рефлекс и рот наполнился слюной.

Она прикрыла рот, но немного жидкости просочилось у нее между пальцами и брызнуло на пол. Никто ничего не сказал, пока она спешила прочь по коридору. Ванная комната находилась у основания лестницы. Закрыв за собой дверь, Майя опустилась на колени и ее стошнило. Из нее вылезло всё – вино, ягненок, глазурь и... то, что она пыталась укрыть глубоко внутри: Обри падает на ступеньки, Кристина – лицом в стол, Фрэнк смотрит в камеру. Их движения синхронизировались в сознании Майи, пока ее рвало. Она спрятала убийство Обри в тайнике у себя в голове, но Фрэнк все еще был на свободе и убивал. Даже несмотря на вино, только что обжегшее ей горло, девушка никогда еще не чувствовала себя такой трезвой.

Она прополоскала рот водой из-под крана, затем замерла у раковины, слишком подавленная, чтобы вернуться к столу. Из зеркала на Майю смотрело ее лицо, липкое от пота, она дрожала, а по телу бежали струйки, совсем не те, что бывают от физических упражнений. Плотнее. Холоднее. Ее отраже-

ние подтверждало, что больше нет смысла притворяться, что с ней все в порядке.

Пять

Майя ведет машину с опущенными окнами, позволяя летнему воздуху ворваться внутрь и унести звук их голосов, подпевающих каверу Tender Wallpaper на балладу об убийстве, под названием «Две сестры». Кондиционер сломан, но проигрыватель компакт-дисков работает, и они с Обри поют от души, точно проходят прослушивание для мюзикла. Обе в шортах, под которые заранее надеты купальники, и в кроссовках, майки и полотенца – на заднем сиденье. Обри наносит солнцезащитный крем на свое чуть веснушчатое лицо, ее вишнево-черные волосы треплет ветер, в то время как мимо проносится мир, полный листвы и множества оттенков зеленого.

Когда они подъезжают к обочине, Майя паркует машину своей мамы позади «Харлей-Дэвидсона». Воздух здесь прохладнее, чем в городе. Майя и Обри идут по тропинке через лес, отмахиваясь от комаров.

Обычно, как старым добрым друзьям, им не сложно молчать друг с другом. Но сегодняшняя тишина ощущается иначе. От нее холодно. У Майи возникает ощущение, что Обри чем-то расстроена, и это уже длится в течение последних нескольких недель. Она заметила резкость в тоне Обри, а порой и язвительность в ее смехе. Есть вероятность, что Майе это только кажется, однако она уверена в обратном, и ее бе-

сит, что Обри просто не расскажет, что творится у нее в голове.

– И для кого же этот шарф? – спрашивает Майя, просто чтобы что-то сказать.

Обри, идущая впереди нее, не оглядываясь бросает:

– Это секрет.

Еще полчаса назад Майя даже не подозревала, что Обри умеет вязать. Но когда девушка приехала забрать подругу, обнаружила ее сидящей на крыльце своего двухэтажного дома и вяжущей шарф. Ее руки двигались с грациозной, отработанной легкостью, и лимонно-зеленое плетение сползало из-под спиц.

Майя всегда думала, что они знают друг о друге все.

Они подходят к водопаду через несколько минут. Глубокий темный омут блестит, как павлиньи перья. Радуги парят в брызгах, отражающихся от скал. Летом в этом месте обычно многолюдно, но сегодня здесь только Майя, Обри и пара байкеров среднего возраста. Женщина, вся покрытая татуировками, возлежит на валуне, в то время как мужчина переходит вброд мелководье, его русые волосы, собранные в длинный хвост, погружаются в воду, когда он наклоняется, чтобы помыть руки. Девушки снимают кроссовки и шорты, оставляют свои вещи на каменистом берегу и заходят по колено. Вода такая холодная, что кажется острой на ощупь.

– Раз! – восклицает Обри, призывая Майю нырнуть вместе с ней.

– О, ни за что...

– Два!

Все ее тело умоляет не делать этого, но Майя не хочет быть второй.

– Три! – кричит она, прежде чем нырнуть в глубину, где холоднее и темнее, а водопад гремит еще громче. Ее кожу покалывает, когда она выскакивает, оглядывается назад и видит Обри, все еще стоящую на месте, все еще сухую. Подруга смеется. Майя в ярости брызгает на нее, та визжит, затем бесшумно падает вниз, исчезая со слабой рябью. Она появляется снова, уже на середине омута. Обри лучше плавает и чувствует себя в воде более комфортно. Она плышет на спине, глядя в небо, медный амулет, который она носит на груди, поблескивает. На амулете, похоже, выгравировано магическое заклинание: «СИМ САЛА БИМ», хотя Обри клянется, что он ей просто нравится, а никакой магии не бывает. Хотя вот бы она существовала на самом деле!

Майя будет скучать по подруге, несмотря на ее выходки. Обри останется в городе и по окончании лета будет работать официанткой и посещать занятия в Беркширском колледже, в то время как Майя переедет, чтобы учиться в университете Бостона. Вспомнив о том, как мало времени у них осталось, Майя вздыхает, направляется к Обри и плывет рядом с ней.

– Знаешь, чего мы никогда не делали? – говорит та.

– Чего?

– Мы никогда не прыгали с вершины водопада.

– Ты так это говоришь, словно у нас никогда не будет другого шанса.

– Кто знает? – Обри пожимает плечами. – Может, и не будет.

– Бостон примерно в трех часах езды отсюда. Я буду часто приезжать домой.

Обри поворачивается к подруге, болтая ногами, и Майя видит, что настроение Обри изменилось. Ее улыбка теперь живая и озорная. Она указывает взглядом на высокие скалы на вершине водопада:

– Давай прямо сейчас!

– Ты чокнутая!

– Люди делают это постоянно. Даже маленькие дети.

Майя не может с этим спорить: когда они были здесь в прошлый раз, большая семья, включая детей, а самому маленькому было не больше восьми, один за другим прыгали со скалы.

– Но что, если...

– Мы будем очень осторожны.

Мама Майи работает врачом «Скорой помощи», поэтому она слышала ужасные истории о людях, погибших или парализованных – например, тех, кто прыгал с водопадов.

– Чего ты боишься?

– Разве это не очевидно?

– Отлично. Я сделаю это сама. – Обри разворачивается и скользит прочь.

Майя оглядывается на берег. Пара байкеров ушла. Обожженные солнцем скалы манят, но воодушевление Обри заразительно, и внезапно кажется, что, вероятно, Майе только показалось, будто что-то не так. Ее часто обвиняли в излишней впечатлительности. Она гребет вслед за своей подругой.

Холодные брызги водопада летят ей в лицо, когда она подбирается ближе. Обри что-то говорит, но ее голос теряется в грохоте низвергающейся воды.

– Я тебя не слышу! – кричит Майя в ответ.

Обри мотает головой:

– Неважно...

Но Майе нет необходимости улавливать слова, чтобы слышать одобрителный тон. Здесь, у подножия водопада, она видит естественную тропинку, огибающую его сбоку, утопанную людьми, которые прошли этим путем. Ее нервозность сменяется возбуждением, когда она взбирается наверх, белый каскад струится рядом с ней, как какой-то завораживающий смертельно опасный зверь. Она больше не чувствует холода, хватаясь ладонями за мокрые камни.

Ее сердце бьется быстрее, когда они добираются до вершины и Обри ступает на огромный валун, который, как трамплин для прыжков в воду, нависает над омутом. Майя остается в нескольких футах позади нее. Она чувствует себя ныряльщицей в цирке, смотрящей с безумно длинной лестницы вниз в крошечный бассейн.

Она не может этого сделать. Ей просто нужно спуститься

вниз, и она уже готова медленно двинуться в этом направлении, когда Обри оглядывается через плечо. У нее благостное лицо. Глаза блестят от возбуждения. Она протягивает руку. В ушах Майи грохочет водопад. Она не может этого сделать, но все же делает. Она неуверенно шагает вперед и хватается Обри за руку. Вместе они смотрят на лес, на воду, разбивающуюся у их ног, а потом друг на друга. Это не первый раз, когда они вдвоем совершают нечто опасное. Но вполне вероятно – последний.

– Раз! – кричит Обри.

– Издеваешься?! Думаешь, я попадусь на это дважды?

Но улыбка Обри искренняя.

– Два! – Ее голос теряется в грохоте водопада; Майя читает это слово по ее губам.

Они крепче сжимают ладони друг друга, поднимая их в воздух.

– Три! – выкрикивают девушки одновременно и, продолжая держаться за руки, переступают через край.

Шесть

Майя проснулась с пронзительной головной болью и кислым привкусом во рту.

Сначала она не поняла, где находится. Луна светила сквозь щели в жалюзи, освещая комнату, которая выглядела так, словно принадлежала подростку. Плакаты Sonic Youth и «Бегущего по лезвию», комиксы на полках. Светящиеся в темноте звезды на потолке. Когда-то это была комната Дэна. События этого вечера стремительно возвращались. Ее вырвало. В день рождения Греты. У нее на глазах. Потом она двадцать минут простояла в ванной, слишком смущенная, чтобы вернуться к обеденному столу.

И решила сказать, что у нее грипп.

«Какая-то желудочная инфекция, надеюсь, не заразная», – проговорила она, глядя на Грету. И Майя, безусловно, выглядела достаточно больной – с ввалившимися глазами и бледной кожей. Она видела, как настороженность на лице Дэна сменилась беспокойством. Карл предложил имбирный эль для ее желудка, но по непроницаемому лицу Греты было невозможно понять, что думала она, всегда в первую очередь заботящаяся об интересах сына.

Майя не винила ее. Она почти хотела, чтобы Дэн не поверил ей, чтобы уличил в том, что она слишком много выпила. Но вместо этого он положил руку ей на лоб, проверяя, нет

ли жара, затем принес воду и пепто-бисмол. Теперь он спал рядом с ней, и только звук его дыхания в темноте нарушал тишину в комнате.

Она обещала быть честной с ним. Теперь она должна была быть честна сама с собой. У нее никогда не было навязчивых идей, и чем дольше она обходилась без таблеток, тем яснее становилось, что она могла бы остановить Фрэнка. Но она этого не сделала, и Кристина умерла. И теперь никакое количество выпивки не заставит Майю чувствовать себя нормально.

Если бы умерла она, Обри доказала бы, что Фрэнк убил ее. Правда заключалась в том, что она была умнее Майи. Возможно, она и не так усердно училась в школе, но Обри была проницательна не по годам. Большинство друзей, которых Майя завела позже, были вроде Венди – просто приятели, которые не очень хорошо ее знали. Люди, которые ходили на одни и те же вечеринки, но с которыми она никогда не могла бы просто молча посидеть. Теперь, бросив пить, Майя почти не виделась с этими друзьями и в какой-то момент осознала, что она по ним не скучает.

Она скучала по Обри. Майе не хватало ее смеха. И она думала о подруге каждый раз, когда читала хорошее стихотворение и хотела с кем-нибудь поделиться им. Каждый раз, когда у нее возникало желание попробовать что-нибудь авантюрное, например, уроки гимнастики на трапеции. Обри была бесстрашной. Она действовала быстро. Она никогда бы не

позволила, чтобы Фрэнку сошло с рук убийство ее лучшей подруги.

* * *

Майя опустилась на колени рядом с Дэном и прошептала его имя.

Она уже оделась и запихнула оставшуюся одежду в рюкзак, который накинула на одно плечо.

Свет в комнате был слабым и голубоватым, в доме – тишина. Дэн несколько раз моргнул, просыпаясь.

– Привет, – проговорила она.

– Что случилось?

– Я уезжаю домой на несколько дней.

– Куда? – не понял он спросонья.

– В Питсфилд, то есть к маме.

Дэн потер глаза.

– Хорошо... а почему?..

– Нужно кое-что сделать. – Она не хотела лгать. – Я уже купила билет. Просто прогуляюсь до станции «Питер Пэн» дальше по улице. Мой автобус отправляется через сорок пять минут.

Пролежав в темноте пять часов, снова и снова прокручивая мысли в голове, Майя решила, что это самый простой способ. Лучше улизнуть до того, как все проснутся, чем продолжать этот фарс с гриппом. Она все равно не могла сно-

ва заснуть. И сейчас ей мешала не только ломка. Как спать, зная, что Фрэнк снова убил?

Она уже купила билет, используя телефон, и нашла станцию недалеко от дома родителей Дэна.

Он приподнялся на локте.

– Ты не навещала свою маму... сколько? Год? – Он прищурился, глядя на нее. – Что происходит?

Скажи правду. Она опустила глаза.

– Это видео.

Он не поверил ей вчера, и она не ждала, что он поверит сейчас. Она ожидала, что он сочтет это недостойным внимания, будет разочарован, но вместо этого он взял ее ладонь и прижал к своей груди. Он смотрел на нее с нежностью.

– Я все понимаю, Майя. Понимаю, почему ты расстроена.

– Правда?

– Конечно. Два человека упали замертво рядом с этим парнем. Это чертовски жутко. Когда ты впервые рассказала мне об этом, мои инстинкты кричали, что существует логическое объяснение, просто чтобы это казалось менее пугающим.

Ее глаза защищало от облегчения. Он действительно поверил ей.

– Спасибо тебе... – прошептала она и прислонилась головой к его голове, закрыв глаза, переполненная благодарностью. Она рассказала ему о своем плане: – Я не так много обнаружила в Интернете, поэтому решила сходить в заку-

сочную. Поговорить с кем-нибудь, кто был там, когда умерла Кристина, возможно, камера что-то пропустила. Я попробую пообщаться и с ее коллегами в музее – они могут быть в курсе ее отношений с Фрэнком.

Майя могла бы продолжить, но брови Дэна поползли вверх. Он явно это не одобрял.

– Если я его не остановлю, – проговорила она, – он просто продолжит это делать.

– Делать что? Мне жаль, но я все еще не понимаю, что, по-твоему, он сделал.

Майя сникла. Она неправильно поняла Дэна, который, как оказалось, так и не поверил ей, а просто пытался поддержать.

– Я тоже не знаю, – ответила она. – Это-то мне и нужно выяснить. И иметь доказательства, чтобы я могла обратиться в полицию.

– Я волнуюсь, Майя.

– Что бы ты сделал, – спросила она, – если бы кто-то убил Шона?

Шон был его самым близким другом, страстным скалолазом, и никак невозможно было бы представить его убитым кем-то.

– Я скажу тебе, чего бы я не стал делать, – ответил Дэн. – Я бы не пошел в полицию, не стал бы основываться ни на том, что ты мне рассказала, ни на том, что мы увидели на той записи.

Голова Майи раскалывалась от вина и горечи.

– Ладно, как ты считаешь, что произошло?

Дэн на мгновение задумался. Столкнувшись с необъяснимой смертью, каждый выдвигает свою теорию, поскольку стремиться разобраться. Он много думал об этом со вчерашнего дня, когда она рассказала ему, и пришел к выводу, что Кристина, скорее всего, стала жертвой передозировки. В статье *Berkshire Eagle* говорилось, что ее смерть «не рассматривалась как подозрительная», что означало отсутствие доказательства совершения преступления.

Не исключалось – и это казалось Дэну наиболее вероятным – что Кристину постигла участь многих молодых людей в таких городах, как Питтсфилд. У тамошних экстравагантных жителей были весьма популярны тяжелые препараты. Это объясняло выражение ее лица. Она была не первой, кто отключился на публике: на каждой заправке, в баре и общественном туалете в этой части штата вывешены таблички с инструкцией, что делать, если кто-то перебрал с дозой. А полиция возила наркан.

Он признавал странным совпадение, что и Кристина, и Обри умерли, находясь в компании Фрэнка. Бесспорно, это жутко – но смерть Обри хотя и представляла собой редкий случай, тоже не вызывала подозрений. Мнение Дэна – изложенное, как показалось Майе, так, словно она была присяжным заседателем, – состояло в том, что ей следует сдать билет, полежать несколько дней, справиться с желудочной бо-

лезную и позаботиться о себе.

Сейчас было самое подходящее время признаться, что у нее не было проблем с желудком, что она слишком много выпила, чтобы как-то заменить закончившиеся таблетки, о которых он не знал. Но Майе важно было успеть на автобус. И последнее, что ей было нужно, это чтобы Дэн усомнился в ее психическом здоровье.

– Если Фрэнк не опасен, – проговорила она, – что плохого в том, что я поеду туда на некоторое время? Увижусь с мамой. Я возьму больничный. Я за целый год не брала его ни разу.

Дэн сделал печальное лицо.

И она вспомнила о собаке. На следующий день после того, как Дэн сдаст выпускные экзамены, у них был запланирован поход за питомцем в приют для бездомных животных. Они с нетерпением ждали этого, неделями, часами обсуждая именно. Как Майя могла забыть? Ее плечи поникли.

– Я знаю, что сейчас неподходящее время, – признала она, – но мне очень нужна эта поездка. Я должна вернуться, как раз чтобы успеть в приют.

Дэн вздохнул.

Она взглянула на часы. 6:23 утра.

– Береги себя, – произнес он с такой покорностью в голосе, что ей стало больно. Она сдерживала слезы ровно настолько, чтобы поцеловать его на прощание.

Начальник Майи отнесся с пониманием, когда она сообщила, что заболела. В конце концов, она проработала в садовом центре три года и хорошо справлялась как с растениями, так и с покупателями. Ей бы нравилась эта работа, если бы достаточно платили и у нее имелась страховка, но как бы то ни было, босс был единственным человеком, которому можно было спокойно лгать. Она проверила свой банковский баланс и обнаружила, что может позволить себе пропустить три рабочих дня, а то и четыре, если будет экономной.

Все два часа поездки на автобусе Майя провела, уткнувшись в свой телефон, ища Фрэнка в Интернете. Она то и дело пила воду из бутылки, купленной на вокзале, похмелье было в самом разгаре, желудок скручивало каждый раз, когда водитель тормозил, жилка под ее левым глазом дергалась. Фрэнк каким-то образом умудрился не оставить никакого цифрового следа.

В последний раз она встречала его, когда умерла Обри. Это было позже в тот же день, Майя как раз выходила из полицейского участка после четырехчасового допроса. Фрэнка отпустили раньше, чем ее – она заметила его на стоянке, когда он садился в свою машину. Он был свободен. Майя застыла в ужасе. Ее мать, которая шла рядом, спросила, что случилось, но Фрэнк уже уехал к тому времени, как Майя

обрела дар речи. И по сей день Бренда его не видела.

Для нее он существовал как объект бредовой одержимости ее дочери, человеческая версия Силвер-Лейк. Но для Майи он был настоящим. Ее желудок сжимался каждый раз, когда она видела кого-то, похожего на него, а это случалось часто. Фрэнк был среднего роста, худощавого телосложения, с маленьким подбородком, темными волосами и бледной кожей. Казалось, половина мужчин в Бостоне могли бы сойти за Фрэнка. И ему было бы так легко убить ее! Даже не пришлось бы заявляться к ней домой посреди ночи или запирать ее в своем багажнике.

Он мог бы убить ее публично, при дневном свете, и это сошло бы ему с рук. Майя очень боялась повторить судьбу Кристины, и именно поэтому она должна была защитить себя. Она должна была разгадать его секрет. Она стала умнее по сравнению с собой семнадцатилетней. Менее уязвимой. Она будет держаться на расстоянии, пока не узнает, как обезопасить себя.

Автобус углублялся в лес. Она подозревала, что Фрэнк пытался связаться с ней на протяжении многих лет, но как и почти во всем остальном, что касалось его, невозможно было знать наверняка. Она ни разу не ответила на неизвестный телефонный номер, никогда не открывала электронное письмо от незнакомого человека, однако до сих пор, когда она вводила свое имя в Google, первым предлагаемым результатом поиска было «Майя Эдвардс + Обри Уэст».

Из вентиляционных отверстий хлынул горячий воздух. Так и не найдя информацию о Фрэнке, она поискала Кристину Льюис. Девушки тоже не было в социальных сетях, и ее имя оказалось достаточно распространенным: Майя пролистала не одну страницу результатов поиска в Google, прежде чем нашла в списке художников, которые выставлялись в MASS MoCA,¹³ нужную Кристину Льюис.

Она кликнула на имя девушки и попала на ее личный сайт. Минималистичный дизайн: светло-голубая страница, треть которой занимала одна из работ Кристины. Майя поднесла телефон поближе к лицу. На картине была изображена бескрайняя белая равнина под пустым небом. Чужая планета, безжизненная, по ее иссушенной поверхности расползаются трещины, но название – Бонневильские солончаки – наводило на мысль, что на самом деле это планета Земля.

Нельзя было отрицать талант Кристины. Холодную, сдержанную красоту ее работ. Все дело было в свете, в том, как он падал от солнца, которого не было видно на картине. Имя Кристины обнаружилось мелким шрифтом в нижней части веб-сайта вместе с адресом ее электронной почты. И больше ничего.

Майя запустила обратный поиск изображений картины и нашла общедоступную страницу в социальных сетях, посвященную памяти Кристины, призванную сохранить ее искусство и поделиться им с миром. Группа насчитывала один-

---

¹³ Музей современного искусства штата Массачусетс.

надцать участников, но единственным, кто разместил пост, был администратор по имени Стивен Лэнг.

Судя по фотографии в его профиле, это был коренастый лысый мужчина лет тридцати. Рядом с ним на заснеженной пешеходной тропе стояла Кристина. Она была на фут ниже его и казалась еще меньше в своем пушистом желтом пальто. На таком мелком изображении любой мог бы принять ее за Майю.

В отличие от Майи Стивен, казалось, совсем не беспокоился о конфиденциальности в Интернете. Она быстро узнала, что он работал с Кристиной в Беркширском музее, хотя и не поняла, чем он там занимался, а адрес его электронной почты отыскала в течение нескольких минут.

Здравствуйте, вы меня не знаете, меня зовут Майя. Я посмотрела видео с Кристиной. Очень сожалею о вашей потере... Я пытаюсь получить хоть какую-то информацию о парне, с которым она была, когда это случилось, о Фрэнке Беллами. Не могли бы мы как-нибудь поговорить?

Она нажала «Отправить», затем откинулась на спинку сиденья и стала ждать. Закрыла глаза, надеясь заснуть, но быстро сдалась и устала на проносящиеся мимо голые, покрытые инеем деревья.

Семь

Майя, стоя на коленях на заднем дворе, задыхается от смеха. Небо пронзительно голубое. Воздух на вкус как трава. Она не может вспомнить, что ее настолько рассмешило, но не может остановиться, и это даже пугает, но когда Обри снова произносит слово – то самое, из-за которого они катаются по траве, – страх уходит.

– Зя-зя... – Обри не может выдавить его из себя. Слезы текут по ее лицу.

Смех вырывается из горла Майи.

– О боже, – бормочет она, – о боже мой, боже мой...

– Зяб...

– Остановись! – кричит Майя. – Прекрати! – Она изо всех сил стучит ладонью по твердой земле.

– Зябко!!

Они обе падают от смеха.

Как долго они хохочут? Минуту? Час? Год?

– Зябко! – Майя взвизгивает. – Не могу в это поверить, я не могу поверить... – Во что она не может поверить? – Не могу поверить, что есть такое слово.

– Я тоже, – вторит ей Обри. – Не могу поверить... – Она замолкает, и больше не смеется.

Майя поднимает влажную голову с ее предплечья и сквозь завесу растрепанных волос и видит, как подруга водит рукой

по траве, поглаживая ее, как прекрасную меховую шубу.

– Она такая мягкая! – задумчиво произносит Обри.

Майя переворачивается на спину и устраивается поудобнее. Она двигает конечностями, как снежный ангел в замедленной съемке, и чувствует каждую травинку, которая касается ее кожи.

– Это невероятно, – говорит она. На ней повседневные укороченные шорты и безразмерная рубашка в черно-белую полоску на пуговицах из Goodwill, которая, по ее мнению, выглядит забавно. – Небо, – громко шепчет она. – Небо! – Ее огромные солнцезащитные очки, усыпанные стразами, тоже из Goodwill; и хорошо, что Майя их надела, потому что у нее расширены зрачки, а солнце излучает волны. Она видит, как они плывут по небу, и это напоминает ей о давнем уроке естествознания. – Помнишь, – спрашивает она, – что мистер Мерфи сказал о солнце и электромагнитных волнах?

– Не-а.

– Я тоже, – говорит Майя, хотя на самом деле это не так. – Просто теперь... я чувствую, что все поняла. Представляешь? – Она поворачивает голову, чтобы посмотреть на Обри, и та смотрит на нее в ответ из-за своих очков-авиаторов с темно-зелеными линзами. Они частенько вместе делают покупки в Goodwill.

– Seriously?

– Да, – выпаливает Майя. – Это будто бы космос сделан из воды, просто один большой океан, а солнце – камешек,

брошенный на его поверхность... От него по воде расходятся круги. – Она поднимает руки, шевелит пальцами и ощущает, как по воде пробегает рябь.

– Вау... – выдыхает Обри. – Сейдж действительно постарался на этот раз, да?

Майя хихикает, вспоминая, как в последний раз они получили кислоту от стареющего кассира-хиппи из Big Y¹⁴, где Обри работает упаковщицей. Сейдж, с его седеющим конским хвостом, пахнувшим пачули, влюблен в Обри, поэтому кислота всегда бесплатная, но последняя партия была настолько слабой, что они задумались, не фальшивая ли она, как и его имя¹⁵.

– Эта хрень, – произносит Майя, – определенно настоящая.

– Что еще за хрень? – спрашивает мама. Пальцы Майи замирают на полпути. Она крепко зажмуривает глаза, как будто это может сделать ее невидимой. – Ты не хочешь рассказать мне, что здесь происходит? – Мать убьет ее за подобные забавы. Но только если узнает. Майя опускает руки, поправляет свою полосатую рубашку и садится, у нее в волосах торчат травинки. Она улыбается как можно небрежнее.

– Привет, мам!

---

¹⁴ Big Y Foods, Inc. или просто Big Y – американская сеть супермаркетов, расположенных в штатах Массачусетс и Коннектикут и работающих под названиями Big Y World Class Market и Big Y Supermarket.

¹⁵ Sage (Сейдж) – одно из значений с английского – мудрец.

Мама стоит в двух футах от нее, на краю сада. Неизвестно, как долго она там пробыла.

Обычно Бренда не такая внушительная – несмотря на то, что она крупная, почти на фут выше своей миниатюрной дочери, и мускулистая, – но прямо сейчас она похожа на разгневанного бога солнца: руки скрещены на груди, развевающиеся локоны обрамляют ее лицо, как золотистые языки пламени. Она в униформе «Скорой помощи»: белая рубашка, темно-синие брюки, черные кроссовки. Подведенные карандашом сведенные брови подчеркивают недовольство, голубые глаза – прищурены.

– Я... думала, ты на работе, – лепечет Майя.

– Я и была. Но теперь-то я дома – и что я вижу? Беспорядок на кухне? Телевизор работает так громко, что его слышно снаружи? И не тот ли это «Магический кристалл», который вы смотрите? – Мама слишком хорошо знает их обеих.

– Привет, Бренда, – произносит Обри слишком высоким голосом.

– *Привет, Обри!* – Девушка сникает от этого тона. – Что вы обе приняли? Ну?! – Бренда переводит взгляд с одной на другого и обратно. Майя чувствует, что ее накрывает, и старается не паниковать.

– Кислоту, – мямлит она, зная, что скрывать бесполезно. Бренда качает головой.

– Марш внутрь, обе! – Прогулка через двор, вдоль сада, и подъем по трем ступенькам на кухню становятся тяжелым

испытанием. Земля на ощупь губчатая и похожа на зыбучий песок. – Стоять! – велит мама, когда они с Обри начинают размазывать грязь по кухне. Она протягивает каждой по влажному полотенцу, свирепо глядя на их ноги.

Девушки неуклюже опускаются на пол. Они и впрямь смотрели «Магический кристалл», когда Обри захотелось побыть на природе, поэтому они некоторое время бродили по саду, прежде чем их накрыло, потому что она вдруг брякнула «зябко».

Майя вытирает грязь с пальцев ног, пяток и лодыжек.

– Ты расскажешь моему отчиму? – спрашивает Обри.

Бренда садится за стол.

– Пока не знаю, – отвечает она усталым голосом.

Именно тогда Майя замечает повязку на руке своей матери.

– Что случилось?

– Ерунда, всего несколько швов, – отмахивается мама. – Не беспокойся об этом.

Но Майя беспокоится. Работа мамы ее пугает – мигающие огни, воюющие сирены и кричащие люди. Это пугает Майю, даже когда она в нормальном состоянии, – и теперь она не отрываясь смотрит на белую повязку.

– Пожалуйста, не говори Даррену, – хнычет Обри.

Майя тоже плачет. Она любит свою маму и не хочет, чтобы той было больно.

– Ладно, вы обе, успокойтесь! – требует Бренда. Но про-

износит это ласково, поднимая руку, чтобы доказать, что все в порядке и она не волнуется, как могли бы другие родители, потому что она может с этим справиться. На работе она видит всякое – измененное сознание, серьезные передозировки, ножевые ранения. – Как давно вы это приняли? – спокойно спрашивает она.

Майя и Обри обмениваются взглядами. Действительно, как давно это было? Шесть часов? Семь? Бренда вздыхает.

– В *котором часу* вы это сделали?

– Сегодня утром? – неуверенно бормочет Обри. – Наверное, где-то в одиннадцать?

Бренда бросает взгляд на часы на микроволновой печи.
13:32.

– Похоже, у нас есть чем заняться...

* * *

Они втроем смотрят «Магический кристалл» с самого начала. Майя и ее мама – на диване, Обри – растянувшись в кресле. Вентилятор в углу обеспечивает циркуляцию по гостиной прохладного ветерка, который одновременно является ветром в джунглях Тра¹⁶. Майя понимает, что она в беде, что мама только и ждет, когда ее отпустит, прежде чем произнести какую-нибудь суровую речь и наказать ее, но пока

---

¹⁶ Название планеты в фильме «Магический кристалл».

все идеально. Майя здесь и одновременно в фильме, испытывает то же удивление, что и в детстве, когда она смотрела его еще до того, как появилась разница между реальностью и волшебством.

Так, должно быть, чувствуют себя люди в церкви, созерцая Эдем, горюя по тем временам, когда никто не догадывался о своей наготе, а разговоры с Богом были нормой. Подобно им Майя тоскует по детству не из-за какой-то потребности убежать от реальности – она прекрасна, – а просто потому, что она такой уродилась. Со способностью грустить по куда более волшебным временам. Это ее четвертый кислотный трип¹⁷, так что она знает о печали падения, о чувстве, что Бог покинул сад. А Обри воспринимает все еще тяжелее, чем Майя.

Когда Бренда в тот вечер отвозит девушку домой, та выглядит мрачной, несмотря на то что мама Майи согласилась ничего не говорить о кислоте ее отчиму. Они молча подъезжают к двухэтажному дому Обри. В сумерках Силвер-Лейк блестит прямо за зданием, как обсидиан. Обри живет намного ближе к озеру. Если быть честной, то именно поэтому Майя хотела принять кислоту у себя дома. Правда в том, что Майя немного боится этого водоема. Она бы никогда никому в этом не призналась, потому что сделать это значило бы

---

¹⁷ Наиболее распространенными немедленными психологическими эффектами кислоты являются зрительные галлюцинации и иллюзии (в просторечии известные как «трипы»).

походить на тетю Лизу.

Хотя если бы Майя могла говорить откровенно, она бы указала на местные легенды об озере, меняющем цвет ночью, и о паре, поднимающемся с его поверхности зимой. Она бы сказала, что вода в нем действительно загрязнена, и кто знает, до какой степени PSB могут навредить человеку?

– Спасибо, что подвезла, – говорит Обри, выходя из машины.

– Если это еще раз повторится, я расскажу твоим родителям.

По дороге домой Майя интересуется, как сильно она будет наказана. Мама некоторое время не отвечает. Она сменила униформу «Скорой помощи» на футболку, хлопчатобумажные шорты и сандалии, но рука все еще перевязана. Теперь Майя знает, что она порезалась об осколки металла, когда вытаскивала молодого человека из автомобиля после аварии. Майя ожидает, что мама будет злиться, но та просто становится грустной.

– Я не хочу наказывать тебя, – вздыхает она. – Ты все равно уедешь отсюда меньше чем через три месяца и будешь делать все что пожелаешь. Я просто хотела бы... я хотела бы, чтобы ты видела то, что вижу я. Я имею в виду, когда работаю на машине скорой помощи. Ты бы осознала, как легко, как *быстро* все может пойти наперекосяк.

– Я понимаю, мам. Я буду осторожна. Мы же не были за рулем.

Мама заезжает на подъездную дорожку, глушит двигатель и поворачивается к ней.

– Ты же знаешь, что дело не только в этом. Ты можешь закончить, как...

– Дай-ка я угадаю. Тетя Лиза?

– Это у тебя в генах. Ты восприимчива – почему ты не хочешь этого понять? Такой наркотик может спровоцировать что-то... какой-нибудь приступ.

Майя театрально вздыхает. Почему ее мама не может понять, что однократный прием кислоты – ничто по сравнению с интенсивным употреблением Лизой тяжелых наркотиков и ее очевидными проблемами с алкоголем? Майя будет учиться в Бостонском университете, смогла получить полную стипендию. Она достаточно умна, чтобы понять сразу две вещи – и то, что ее тетя страдала галлюцинациями, и то, что Силвер-Лейк в какой-то степени токсично. Но мать, похоже, намерена видеть мир в черно-белом цвете, поэтому Майя просто соглашается:

– Ладно, извини. Отныне я буду осторожнее.

Восемь

Майя прислонила свою раскальвающуюся голову к окну машины, пока ее мама везла их домой с автобусной станции. Они проехали мимо церкви Святого Иосифа, куда ходили ее дедушка с бабушкой, и YMCA¹⁸, где она научилась плавать. Улицы в центре Питтсфилда были застроены величественными историческими зданиями. Старые универмаги. Театр Позолоченного века¹⁹. Мраморное здание суда. Когда Бренда была ребенком, подростки по вечерам в четверг катались взад-вперед по Норд-стрит – они называли это прогулкой. Майе подобная забава казалась странной. Если бы она увидела, что кто-то делает нечто похожее сегодня, то решила бы, что они продают наркотики.

Машина свернула на улицу, где она выросла. Девушка знала эти места наизусть: большие многоквартирные дома, облупившуюся краску, спутниковые тарелки, неровные газоны. Даже рождественские украшения соседей были прежними, до боли знакомыми – гигантская леденцовая трость и надувной Санта. Дом, в котором она выросла, был обшит такой же ветхой вагонкой, как и другие, и окрашен в лимонно-желтый цвет. Голубой брезент укрывал от снега небольшой сад

---

¹⁸ Молодежная христианская организация.

¹⁹ Эпоха быстрого роста экономики и населения США после Гражданской войны и реконструкции Юга.

перед домом. Это был самый маленький дом на улице, но как любила говорить Бренда, он принадлежал им. Она купила его, когда Майе исполнилось восемь.

За последнее время Бренда сдала и работала уже не на «Скорой помощи», а су-шефом и пекарем в роскошном реабилитационном центре. Она сменила профессию, потому что, по ее словам, слишком постарела, чтобы работать в машинах скорой помощи. Ее мучила мигрень, были потянуты мышцы спины и травмированы лодыжки. Ей было невыносимо видеть, как умирают люди. Ее руки стали тоньше, торс шире, а темно-русые кудри начали сесть, но Майя с радостью отметила, что мама выглядит счастливее. Или, по крайней мере, более расслабленной.

Холодная слякоть просочилась сквозь подошвы кроссовок Майи, когда она выходила из машины. Был полдень зимнего воскресенья – пасмурно и тихо. Седина в волосах матери при таком освещении казалась более заметной. Или, возможно, Майя отсутствовала дольше, чем она думала.

В последнее время она редко приезжала домой и знала, что это причиняло боль маме, но правда заключалась в том, что Майя все еще таила обиду за прошлое. Однако признать это означало бы признать, что какая-то ее часть все еще верит, что Фрэнк убил Обри. А Майя никогда не смогла бы рассказать это своей маме. Бренда сразу бы запаниковала, решила, что ее дочь пошла по стопам тети Лизы, и, конечно, позвонила бы доктору Барри.

– Не терпится узнать, что ты думаешь о переменах в комнате, – сказала Бренда, присаживаясь на низкую скамеечку у двери, чтобы снять ботинки. – Ты первой опробуешь новую кровать.

– Ты избавилась от моей кровати?

Мама фыркнула.

– *Твоей* кровати? Когда ты в последний раз на ней спала? –

Вопрос повис тяжелым грузом вины. – Новая кровать с пиллоу-топ²⁰, – добавила Бренда.

Скинув кроссовки и пальто, Майя пошла посмотреть «новую комнату», которая была ее старой спальней, переделанной для сдачи в аренду на Airbnb²¹. Мама, казалось, чувствовала себя более спокойно с тех пор, как уволилась с прежней работы, но вместе с тем значительно сократилась ее зарплата, а до пенсии ей было далеко.

Открыв дверь, Майя с трудом узнала комнату, которая принадлежала ей с восьми до восемнадцати лет. Мама обставила ее как в лучших домах Беркшира, этого святилища туризма, надеясь этим привлечь отдыхающих. Вместо плакатов фильма «Лабиринт Фавна» и группы Tender Wallpaper на

---

²⁰ Pillow Top (от *англ.* «pillow» – подушка, «top» – верх) – это система повышенного комфорта, разработанная в США для повышения комфортабельности спального места. Простыми словами: Pillow Top – это сверхмягкая подушка, пришитая к верхней части матраса (а иногда и к нижней тоже), придающая спящему человеку ощущение погружения.

²¹ Airbnb (*русс.* «Эйрбиэнби») – онлайн-площадка для размещения и поиска краткосрочной аренды частного жилья по всему миру.

стенах в рамках висели гравюры работы Нормана Роквелла и фотографии Питтсфилда времен его расцвета, когда классические автомобили, блестя хромом, катились по оживленной Норд-стрит. Лампа на письменном столе сияла, а красно-золотые занавески напоминали осеннюю листву.

Майя желала своей маме успеха и надеялась, что туристы приедут. Но Питтсфилд был не совсем тем местом назначения, коим являлся Сток-Бридж, или Ленокс, или любой другой маленький городок в Беркшире. Каждые несколько лет, или около того, журнал включал его в список перспективных городов или писал, что он возрождается, и Бренде очень хотелось, чтобы это было правдой, чтобы ее родной город был таким, каким он казался ей в детстве. Но насколько могла судить Майя, этому еще только предстояло произойти.

– Ну, что скажешь?

– Выглядит великолепно, – ответила Майя.

Но было что-то тревожное в том, что она видела свою старую, знакомую комнату, заполненную незнакомой мебелью. Все было новым: кровать, туалетный столик, маленький телевизор с плоским экраном. Единственной вещью, которую сохранила ее мама, оказалась прикроватная тумба.

– Попробуй кровать, – предложила мама, указывая на голый матрас.

Майя села, позволила себе откинуться назад и слегка провалилась.

– Мягко.

– Простыни в сушилке. Я схожу за ними.

Уставившись в потолок, Майя узнала картинку – она не изменилась. Пятно от воды над ее кроватью было знакомо, как родимое. Оставшись одна, она повернулась на бок и заметила, что мама удалила наклейки, которые Майя приклеила к прикроватной тумбочке, когда была маленькой. Ее старая коллекция. На дереве все еще оставались следы. Она подалась ближе, заглянула через край кровати и увидела часть наклейки, не оторвавшейся полностью. Черная с фиолетовой надписью с любимой группой Обри Tender Wallpaper. Они вдвоем были на их концерте в ночь перед смертью Обри.

Эта наклейка прилагалась к билетам, которые купила Майя, и ее вид вернул девушку не только в ту ночь, где она танцевала, закрыв глаза, рядом с подругой, но и в следующий день, когда та упала в обморок на крыльце.

Майя услышала шаги.

Бренда сразу поняла, что что-то не так. Майя прочитала это на ее лице, когда та вошла с охалкой простыней: беспокойство матери за своего ребенка. Первым порывом Майи было рассказать ей, выложить все, снять с себя бремя страха и вины, которые давили на нее.

Но риск показаться похожей на тетю Лизу остановил ее. Не сейчас, когда необходимо, чтобы ее воспринимали всерьез. Однако ей пришлось объяснить слезы на своем лице, поэтому она откровенно рассказала о другой своей проблеме:

– Я принимала транквилизатор каждую ночь, чтобы уснуть, и на прошлой неделе он у меня закончился. С тех пор я вообще почти не спала.

Беспокойство на лице женщины стало еще сильнее. До ситуации с Фрэнком Майя все обсуждала с мамой. Теперь она говорила, пока они вместе застилали кровать, заправляя простыни под матрас и накрывая их одеялами. Было приятно вернуться к тому, как все было раньше. До того, как у нее появилась привычка скрывать некоторые вещи.

– Сколько ты принимала?

– Два-три миллиграмма на ночь... и обычно еще половину в течение дня.

Бренда выглядела расстроенной, но не удивленной.

– Доктор Барри никогда не прописывал тебе такие дозы, не так ли?

Майя покачала головой. Когда Бренда направилась к ней, она решила, что та хочет ее обнять. Но оказалось она собиралась проверить пульс дочери.

– Ты знаешь, как опасно резко отменять препараты?

– Потому я и здесь. – Не вся правда, но, по крайней мере, реальные факты.

Мама пристально посмотрела ей в глаза. Проверяла состояние зрачков.

Майя отстранилась.

– Хотя я почти уверена, что самое худшее уже позади. Мне просто нужно перетерпеть это и немного поспать.

На самом деле это было серьезно – за последние дни она спала лишь несколько часов, и ей действительно не помешало бы это объятие или любой другой утешительный жест. Но вместо этого Майя почувствовала, как и в другие трудные времена, что мама в своем беспокойстве относится к ней, как к пациентке. Она прижала ладонь к виску дочери.

– По крайней мере, у тебя нет температуры, но сразу скажи мне, если тебе станет хуже.

– Я...

– Или начнешь видеть мигающие огни. Или услышишь что-нибудь, чего на самом деле нет.

– Хорошо, но...

– Или заметишь какие-нибудь необычные запахи.

– Хорошо.

Майя уже пожалела о том, что рассказала так много. Теперь мама явно будет присматривать за ней, что еще больше затруднит выполнение поставленной задачи, но, похоже, пути назад не было. Теперь Бренда смотрела на нее с бдительностью парамедика на пенсии, который на самом деле так и не выбрался из машины скорой помощи.

Девять

Бабушка Майи умерла за месяц до Обри.

Позже доктор Барри укажет на эти две потери, случившиеся за столь короткое время, как на причину того, что Майя стала уязвима. Отсюда и психоз. Но еще позже – годы спустя – Майя поймет, что именно горе сделало ее беззащитной перед Фрэнком. Если оглянуться назад, это покажется очевидным: он знал, что ей больно, когда они встретились. Он это почувствовал. Даже если она сама этого еще не осознала.

Сначала она не разобралась в своих чувствах. Она никогда лично не встречалась со своей бабушкой. И не нашлась что сказать, когда мама тихонько постучала в дверь ее спальни, чтобы сообщить, что *Abuela*²² умерла.

Майя только начала собирать вещи. До переезда в общежитие оставалось еще два месяца, но она была слишком взволнована, чтобы ждать. Она начала с книг и провела последний час, перебирая свою внушительную библиотеку, решая, что взять с собой. У нее имелось место только для двадцати книг, и она только что переложила роман Стивена Кинга в стопку «Оставить дома», чтобы освободить место для «Моста в Терабитию» Кэтрин Патерсон, которую мама читала ей вслух, когда Майе было десять и она на неделю

---

²² Бабушка, бабуля (*исп.*).

застряла дома с ангиной. Держа книгу в руках, она вспомнила голос своей матери и историю о детях, которые придумывают свой собственный мир. Воспоминание, пронизанное ощущением невероятного счастья, и Майя не сможет с ним расстаться. Ее волнение по поводу отъезда из Питтсфилда омрачено грустью и мучительным чувством вины за то, что она оставляет свою мать. Она говорит себе, что будет приезжать домой раз в месяц. Вот о чем она думает, когда мама сообщает эту новость.

– Что? – спрашивает Майя, поднимая взгляд от стопок окружающих ее на полу книг, хотя она прекрасно расслышала слова.

Ее бабушка умерла от инсульта в своем доме в Гватемала-сити. Она ощущалась постоянным, но далеким присутствием в жизни Майи. Голос по телефону несколько раз в год. Фотография. Написанные от руки поздравительные открытки на день рождения. Конечно, и отец Майи умер, но так было всегда. Никто из тех, кого она на самом деле знает, до сих пор не умирал.

– О, милая, – мягко говорит мама, входя в комнату, в то время как Майя прокручивает в памяти образ бабушки, которую она внезапно потеряла, и вдруг понимает, что никогда по-настоящему не знала ее. До этого момента ее бабушка была такой же абстрактной, как сама смерть, – голосом в трубке, не более того, – но внезапно ее отсутствие кажется очень реальным, в груди нарастает пустота.

Абуела была связью с отцом Майи, человеком, который знал его лучше всех. Есть так много вопросов, которые Майя должна была задать.

Мама садится рядом с ней на ковер, стараясь не потревожить стопки книг. Она выглядит почти извиняющейся.

– Я так и не ответила на ее последнюю поздравительную открытку, – вздыхает Майя.

Бренда всегда внушала, как важно общаться с матерью своего отца, напоминая Майе, чтобы та писала и звонила бабушке. Но Майя была слишком мала, чтобы понять, или, вероятно, слишком эгоистична, как все дети. Слишком погружена в себя. Слишком стеснялась своего ужасного акцента, чтобы говорить по-испански по телефону, вынуждая бабушку исправлять ее в тех редких случаях, когда они все-таки разговаривали.

Мама кладет руку ей на плечо.

– Не переживай об этом, – шепчет она. В ее голосе слышатся слезы.

– Я хочу поехать на похороны.

Мама пристально смотрит на нее.

Майя никогда не бывала в Гватемале.

Ее мать всегда говорила, что это слишком опасно, – и было достаточно рассказа о том, что случилось с отцом Майи: Хайро Эк Басурто был застрелен в дверях дома своих родителей в возрасте двадцати двух лет.

Шел 1990 год, гражданская война в Гватемале только на-

чинала утихать, и армия продолжала убивать тех, кто выступал против диктата.

Маёе было двенадцать, когда ей удалось выпытать эту информацию у своей мамы. Это потрясло ее. Зачем армии убивать свой собственный народ? Бренда познакомилась с Хайро, находясь в Гватемале в миссионерской поездке по делам церкви своих родителей. Она как могла объяснила все ребенку. Земля, на которой тысячелетиями жили майя, оказалась идеальной для выращивания большого количества бананов. Chiquita²³ еще в 1940-е годы была крупнейшим землевладельцем страны. Тогда она называлась «United Fruit Company», и у нее было серьезное влияние на правительство Гватемалы.

Но в 1944 году народ Гватемалы избавился от правительства, лояльного к фруктовой компании, и избрал президента, который, помимо прочего, хотел забрать часть земли компании и вернуть ее тем, кто на ней жил. Эта земля считалась священной. Густые джунгли и туманные высокогорья. Вулканы и сеноты.

Новоизбранный президент, а затем и его преемник верили, что люди стоят больше, чем деньги, больше, чем дешевые бананы. «United Fruit Company» с этим не согласилась. Она жаждала заполучить эту землю. Фруктовая компания была

---

²³ Chiquita Brands International (Чикита Брендс Интернэйшенел, NYSE: CQB) – американский производитель и дистрибьютор бананов и других продуктов питания, выпускаемых под торговыми марками дочерних компаний, известных под общим брендом Chiquita.

родоначальницей современной пиар-кампании, и точно так же, как она убедила американцев покупать больше бананов, она убедила президента Америки в том, что новый президент Гватемалы – коммунист. Это было в 1950-х годах, когда холодная война нарастала как снежный ком. В двенадцать лет Майя ничего не знала о холодной войне, но по тону своей мамы почувствовала, что это было мрачно и опасно.

Президент Эйзенхауэр прислушался к мнению фруктовой компании. Он направил в Гватемалу представителей ЦРУ, чтобы они тайно расшевелили небольшую гватемальскую оппозицию. США обучили их и дали им оружие. И в 1954 году эта оппозиция, при серьезной поддержке со стороны США, свергла демократически избранного президента. Они назначили на его место военного офицера, человека, который был рад позволить фруктовой компании выращивать свои бананы.

Тогда народу майя стало очень тяжело, особенно крестьянам, а также всем, кто их поддерживал. Студенты, учителя, художники, писатели, просто соседи. Эти люди составляли большую часть страны, но вся власть принадлежала небольшой кучке. Часть населения оказалась настолько разгневана, что убежала в горы воевать, вербуя на свою сторону голодающих детей. Гражданская война длилась тридцать шесть лет, и в ней погибли двести тысяч человек. Многих пытали, тысячи и тысячи пропали без вести – термин, которого двенадцатилетняя Майя не понимала.

«Это значит, что полиция тайно арестовала их, – объяснила мама, – и больше их никто не видел».

Двенадцатилетняя Майя к этому моменту уже начинала жалеть, что спросила об этом. Сколько она себя помнила, приставала к своей маме с просьбой открыть, почему умер ее отец. И как? И где? И когда? Но как только мама начала рассказывать, девочка почувствовала, как у нее сжалось горло.

Ее отец был студентом колледжа, изучавшим литературу. Еще он был писателем – но это была другая история, о которой Майе уже было известно.

Такова была история его смерти, которую она наконец-то узнала. И в то же время – слишком рано для своих лет.

Ее отец был членом студенческой организации, которая отправилась в маленькую деревню в высокогорье. Незадолго до этого армия устроила там резню, и отец Майи вместе с другими студентами и несколькими профессорами вышел на марш с выжившими, требуя прекратить присутствие армии в деревне. Сердце Майи при этом наполнилось гордостью, а затем сжалось от страха, когда мама объяснила, что кто-то сфотографировал его там.

В те дни это было все, что требовалось.

Мир начал замечать то, что впоследствии назовут Молчаливым холокостом, но в 1990 году армии все еще сходили с рук убийства людей, которые с ними не соглашались.

Таких, как отец Майи.

Вот в чем была причина того, что с ним случилось.

Ответом на протест стала пуля в голову.

Это произошло через два месяца после акции, во время которой Хайро сфотографировали марширующим рядом с известным профессором истории, вскоре пропавшим без вести. А кроме него – еще трое его друзей. Пекарь. Учитель. Священник. В те дни достаточно было быть связанным с определенным профессором истории.

Убийца никогда не будет назван, не говоря уже о том, чтобы предстать перед судом. Он мог служить в армии, или подрабатывать на них, или, возможно, быть членом печально известных гватемальских эскадронов смерти. Субботним утром он подошел прямо к двери Хайро.

Мать Хайро была за домом и полоскала в корыте скатерть в красный цветочек. Его отец – в гостиной, читал газету, сидя на диване.

Мама Майи находилась на кухне.

Бренда готовила себе чашку растворимого кофе – одну ложку «Нескафе», одну ложку сахара и две ложки сухого молока. Она пробыла в Гватемале чуть больше месяца, была беременна, но еще не знала об этом, и это было частью ее распорядка дня: ей нравилось пить кофе на улице и подниматься по шаткой металлической лестнице на крышу солнечным утром, таким, как это.

(Но это тоже была другая история.)

Она помешивала растворимый кофе в дымящейся кружке, когда услышала выстрел. Она никогда этого не забудет.

Она пристально смотрит на свою дочь.

– Я хочу поехать на похороны, – снова говорит Майя, словно не помнит, что мать рассказывала все это, когда ей было двенадцать.

– Ты же знаешь, что это слишком опасно. – Бренда обещала отвезти дочь в Гватемалу, как только там станет достаточно спокойно, но по сей день этого не произошло.

– Я буду осторожна, – настаивает Майя, хотя мама качает головой. – В августе мне исполнится восемнадцать!

В глазах матери вспыхивает гнев.

Майя никогда не встречалась со своей бабушкой, а теперь никогда и не встретится. И все, что у нее есть от отца, – это несколько фотографий и несколько историй, рассказанных ее мамой, которая сама познакомилась с ним лишь за месяц до его смерти.

Внезапно на Майю обрушивается груз всего того, чего она не знает о своей собственной семье.

– Я поеду, – говорит она. Ее глаза сверкают.

Десять

Теперь Бренда приступает к работе в пять утра, выпекая хлеб, печенье и десерты, с учетом множества диетических ограничений пациентов Lakeside Serenity Center. По ее словам, они очень разборчивы, и, учитывая, сколько платят, считают, что заслуживают многообразия вариантов: макробиотических, веганских, безглютеновых. У них также есть выбор из занятий рисованием и йогой, музыкальной терапии и прогулок по лесу. Они плавают в бассейне, расслабляются в сауне и проходят курс иглоукалывания. Центр находился в нескольких городах от них, окруженный пейзажем, всплывающим в памяти у туристов, когда они думают о Беркшире. Горы, покрытые лесами, которые осенью вспыхивают красной, оранжевой и золотой листвой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.